
К 130-ЛЕТИЮ СОЛОМОНА МИХОЭЛСА

DOI: [10.17805/ggz.2020.6.6](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.6.6)**Убийство Соломона Михоэлса:
жизнь и смерть «советского короля Лира»
в плену у злого демиурга сталинской эпохи****М. К. Бисенгалиев**МОО «Платоновское философское общество», г. Москва,**А. Л. Рычков**Союз философов «Вольная философская ассоциация», г. Сатка;**Шекспировская комиссия при Научном совете**«История мировой культуры» РАН*

Статья посвящена критическому рассмотрению мифов о жизни и гибели «советского короля Лира» Соломона Михоэлса и приурочена к 130-летию этого выдающегося актера и общественного деятеля. Представлен подробный библиографический обзор проблемы и предпринят анализ современных противоречий демифологизации образа И. В. Сталина в российской исторической культуре на примере темы «Убийство Соломона Михоэлса и Сталин».

Критически рассмотрена убежденность мемуаристов и ряда исследователей в том, что события многолетней борьбы с «безродным космополитизмом», а также эскалация гонений на советских евреев разворачивались исключительно по заранее задуманному Сталиным сценарию, элементом которого было убийство Михоэлса. По мнению авторов, эта убежденность в первую очередь отражает сакрализацию и ремифологизацию фигуры вождя.

В этой связи включение гибели Михоэлса в некий «генеральный» антисемитский план Сталина, предполагавший итоговую депортацию еврейского населения, рассматривается авторами статьи как конспирологический элемент очередной теории заговора, основанной на мифах сталинской эпохи и соответствующих контрмифах современного сталинского идеодискурса.

Обосновывается гипотеза демаркационной линии «госантисемитизма», согласно которой репрессивные меры против лидеров еврейской интеллигенции и общественности, принятые на уровне высших эшелонов власти СССР и их вождя не ранее конца 1948 г., были инициированы объективными

---

* Материалы статьи частично были изложены и обсуждены авторами в докладах на XXVIII Международной научной конференции «Шекспировские чтения 2020».

факторами: усилением национального самосознания у еврейского населения СССР в связи с образованием государства Израиль в мае 1948 г., совпавшим с внешнеполитическими осложнениями — эскалацией холодной войны и, впоследствии, проамериканским курсом Израиля с начала 1950-х гг. Прослежена роль этих факторов на примере судьбы Еврейского антифашистского комитета и его активистов.

Делается итоговый вывод о том, что события до этой «демаркационной линии», в том числе убийство Михоэlsa в январе 1948 г., не могут быть объяснены из рассмотренных в статье конспирологических гипотез о сталинском антиеврейском «сценарии» и понимаемы лишь в отрыве от современной мифологии образа Сталина, искажающей картину происшедшего.

Ключевые слова: Соломон Михоэлс; Шекспир в России; И. В. Сталин; Еврейский антифашистский комитет; культ личности; сакрализация; миф; мифология образа Сталина; демифологизация; историческая культура

**The Assassination of Solomon Mikhoels:
The Life and Death of the “Soviet King Lear” who Became
a Prisoner of the Monstrous Demiurge of the Stalin Era**

M. K. Bisengaliev

Interregional Organization “Plato Philosophical Society”, Moscow,

A. L. Rychkov

Union of Philosophers “Free Philosophical Association”, Satka;

The Shakespeare Committee, Russian Academy of Sciences

The article suggests a critical examination of the myths about the life and death of the “Soviet King Lear” Solomon Mikhoels to mark the 130th anniversary of the outstanding actor and public activist. We provide a detailed review of literature on the issue and an analysis of current inconsistencies in demythologization of the image of Joseph Stalin in Russian historical culture, focusing on Stalin’s role in the murder of Solomon Mikhoels.

We critically consider the fact that so many memoirists and a number of researchers are convinced that the events of the long-term fight of the state against “rootless cosmopolitanism” as well as escalating persecution of the Soviet Jews were unfolding according to a scenario previously conceived by Stalin, where the murder of Mikhoels was a significant episode. Yet the whole campaign lay within the framework of sacralization and re-mythologization of the Communist Leader’s figure.

In this regard, the authors of the article refuse to ascribe the death of Mikhoels to Stalin’s larger anti-Semitic plan, which envisaged further deportation of

the Jewish population. We hold such beliefs as elements of a conspiracy theory based on the myths of Stalin's era and the corresponding counter-myths of contemporary ideological discourse about Stalin.

We propose a hypothesis of the demarcation line in "state anti-Semitism," according to which persecution of the Jewish intelligentsia leaders and their communities — Soviet authorities at the highest levels, including the leader of the state, started to apply repressive measures to them not earlier than the end of 1948 — was triggered by objective factors: strengthening of national self-awareness among the Soviet Jews, as a result of the establishment of the state of Israel in May 1948, and other complications in foreign policy (escalation of the Cold War and, subsequently, Israel's pro-American policy since the early 1950s). We trace the role of these factors in the history of the Soviet Jewish Anti-Fascist Committee and its activists.

It is finally concluded that the events before this "demarcation line", including the murder of Mikhoels in January 1948, cannot be explained through the conspiracy hypotheses about the Stalinist anti-Jewish "scenario" and, therefore, the true reasons for the death of Solomon Mikhoels can only be substantiated if we break away from the myths of the Stalinist era, which distort the objective picture of what really happened.

Keywords: Solomon Mikhoels; Shakespeare in Russia; Joseph Stalin; Jewish Anti-Fascist Committee; personality cult; sacralization; myth; mythology of Stalin's image; demythologization; historical culture

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 г. исполнилось 130 лет с рождения Соломона Михоэлса (Шлоймэ Вовси; 16.03.1890 — 13.01.1948) — выдающегося актера, художественного руководителя Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ), видного общественного и политического деятеля в качестве официального лидера советской еврейской общественности: первого председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В ночь с 12 на 13 января 1948 г. сотрудниками МГБ СССР Михоэлс был убит, а его гибель инсценирована как несчастный случай с наездом грузовика. Причины и обстоятельства этого убийства стали предметом ожесточенных споров среди исследователей эпохи позднего сталинизма. Однако, несмотря на широкое исследовательское внимание, в общественной деятельности и гибели Михоэлса до настоящего времени остается много загадок. Частично они укоренены в недоизжитых мифах сталинской эпохи и, к сожалению, со временем обрастают все новыми околонучными мифологемами, к опыту критического рассмотрения которых обращена предлагаемая статья.

*«ЭТО ЧУМНЫЕ ВРЕМЕНА,
КОГДА БЕЗУМНЫЕ — СЛЕПЦАМ ПОВОДЫРИ»¹*

После гибели Михоэлс был с почестями похоронен в Москве, а спустя несколько лет объявлен агентом западных спецслужб и буржуазным националистом. Книги о нем были изъяты из библиотек, а соратники по ЕАК — расстреляны как «предатели Родины». Но уже в 1953 г. Соломон Михоэлс был реабилитирован и посмертно признан отечественной критикой «советским Лиром», благодаря выдающемуся исполнению роли короля Лира в одноименной пьесе У. Шекспира.

Пьеса-притча «Король Лир» в переводе на идиш была поставлена к Шекспировскому фестивалю 1935 г. в ГОСЕТе режиссером С. Э. Радловым фактически совместно с Михоэлсом, сыгравшим главную роль. Д. П. Святополк-Мирский, князь, литературовед, критик и публицист, отмечал: «...гений Михоэлса, актера... несомненно, равен величайшим художникам сцены всех времен» (цит. по: Перхин, 2016: 128). Он считал, что «об образе Лира, который создал Михоэлс, несомненно будут написаны книги...» (там же). Спектакль посещал выдающийся английский режиссер и сценограф, знаток Шекспира Гордон Крэг, чьи отзывы принесли Лиру Михоэлса признание и на родине Шекспира².

Спектакль «Король Лир» шел в ГОСЕТе до 1944 г. Михоэлс планировал продолжить работу над пьесами Шекспира и даже выступил на Шекспировской конференции Всероссийского театрального общества 1946 г. с докладом «Несыгранные шекспировские роли», однако не успел реализовать задуманное (Вовси-Михоэлс, 1997: 180).

Сравнение критикой Михоэлса с «советским королем Лиром» на первый взгляд кажется притянутым, поскольку Лир Михоэлса «стал человеком на краю могилы» (Михоэлс, 1965а: 108), а Михоэлс-Лир и на краю могилы оставался человеком. Человеком, необычайно смелым для того непростого исхода сталинского времени, «когда безумные слепцам поводыри», бросившим вызов судьбе в стремлении оправдать возложенные на него как лидера

---

¹ “’Tis the time’s plague when madmen lead the blind” (IV, 1; Shakespeare, 2005: 207; здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. — М. Б., А. Р.).

² Свои театральные впечатления о поездке, по возвращении из России в 1935 г., Э. Г. Крэг опубликовал в лондонском журнале “Drama” как эпистола к английскому театральному критику Дж. Уитворту, в которой он на примере ГОСЕТовского «Лира» опроверг поставленный этим критиком (ранее также побывавшим в СССР) театральный «приговор»: «В вопросе индивидуального актерского исполнения другим странам нечему научиться у России». Крэг пишет в ответ: «В Москве я видел превосходно поставленного “Короля Лира” и думаю, что, посмотри Вы этот спектакль, Вам пришлось бы отменить свой поспешный (и напоминающий тем самым решение Лира) приговор... Ибо Михоэлс, исполнявший роль Лира, конечно же, актер большой творческой индивидуальности...» (Крэг, 1988: 341).

еврейской культурной общественности надежды соплеменников. Тем не менее, как и Лиру, Михоэлсу не довелось воплотить надежду на воле или «в стенах темницы переждать распри и ссоры власть имущих»³. И сам Михоэлс признавался: «Сыграть короля Лира было моей давнишней, еще юношеской мечтой» (Михоэлс, 1965а: 94). Он писал: «...сквозь образ Лира я смогу высказать самое заветное в моем идейном процессе...» (Михоэлс, 1965с: 329). Возможно, в последнем признании Михоэлса — истинный ключ к аналогии: Лир стал своеобразной вершиной его творческого пути. Не случайно в другой известной роли Михоэлса — Тевье-молочника — театральная критика отмечала аналогии с его образом короля Лира. Известно также, что в постановке Лира Михоэлс фактически вел за своим видением спектакля режиссера Радлова, т. е. «стал по сути дела фактическим постановщиком “Короля Лира” и, в конечном счете, повел Радлова за собой...» (Рудницкий, 1965: 40), и, «сыграв Лира, до конца своих дней думал, говорил и писал о нем» (там же: 33).

Михоэлс, назвавший однажды Шекспира «бессмертным человеком, прожившим уже 375 лет» (см: Лагутина, 2017: 243), видел в герое его пьесы вековечный образ постигшего горький опыт жизни философа и воплотил свою новаторскую трактовку в ставшем легендарным спектакле ГОСЕТа (Михоэлс, 1958: 469), отразившем в образе Лира переключку масштабных драматических коллизий пьесы с историческими событиями советской страны в их экзистенциальном соизмерении.

Впоследствии крупнейший шекспировед советской эпохи А. А. Аникст заметил, что также и самого Михоэлса в роли Лира «справедливо можно назвать актером-философом»: «Сущность социально-философской трактовки образа Лира С. Михоэлсом состояла в том, что... Лир, требовавший всеобщего поклонения, жил иллюзиями о своей человеческой значительности, которые оказались разбиты, как только он отказался от реальной власти» (Аникст, 1960: 628). Не случайно известным лейтмотивным (и многими воспринимавшимся как «еретический») жестом Лира в исполнении Михоэлса стало движение ладоней, будто снимавших с глаз пелену иллюзий: Лир Михоэлса «потрясен разыгравшейся картиной человеческого падения. И вот он подошел к дочери вплотную и как бы снял пелену с глаз, для того чтобы взглядеться поближе... <...> Что же они такое, эти жесты? Это не символика,

---

3

И так
В стенах темницы переждем мы распри
И ссоры власть имущих, что подобны
Приливам и отливам.

(Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник; V, 3; Шекспир, 1937: 215)

это не значки, которыми что-то обозначается, это не формалистические упражнения. Это образные решения определенных ситуаций, помогающие понять поэтический лейтмотив всей жизни Лира, всей его трагедии» (Михоэлс, 1965b: 186–187).

В главе «Братья-евреи: Михоэлс и Еврейский антифашистский комитет» и других местах своей обширно документированной монографии о ГОСЕТе американский исследователь Дж. Вайдлингер показывает, как, став художественным руководителем ГОСЕТа, Михоэлс «настаивал на интерпретации современных событий через призму еврейской истории, ассимилируя иудейские предания в своих произведениях и ссылаясь на националистические еврейские архетипы»⁴ (Veidlinger, 2000: 276). Также и в своей философской концепции Лира Михоэлс переосмысляет опыт библейских Экклезиаста и Иова в духе современной ему кризисной эпохи (Михоэлс, 1965а: 113, 123), показывает «энергичную натуру Лира, его активную природу человека...» (Михоэлс, 1965d: 319). И он делился этим новым осмыслением как на сцене, так и в многочисленных выступлениях, в том числе на Шекспировских конференциях (Михоэлс, 1958: 462–479; Зингерман, 1965: 427–441). В отличие от отвергнутого наследственными дочерьми жалкого и смешного короля Лира из многих классических постановок, которые Михоэлс иронично именовал «политико-дидактическими постановками» (Михоэлс, 1965а: 102), михоэлсовский Лир демонстрирует свое величие в дерзости морального сопротивления злой несправедливости, что отражает своеобразный «конец истории» описываемой Шекспиром кризисной, переходной эпохи.

Представляется, что намеченная Вл. С. Соловьевым и развитая совместно русскими религиозными философами и символистами кризисная эсхатология порубежной культуры Серебряного века также нашла свое преемственное отражение в образе Лира у Михоэлса как своеобразная переключка кризисных времен. Так, С. М. Нельс в исследовательской монографии «Шекспир на советской сцене» заключает: «Шекспир философски обобщил распад сознания человека на грани двух эпох...<...> Эту идею трагедии Михоэлс выявляет последовательно и систематически» (Нельс, 1960: 349). Нельс поясняет тезис: «В исполнении Михоэлса было ясно, что распад семьи и переоценка королевского авторитета — это частные вопросы, помогающие выразить великую тревогу эпохи, тревогу людей, увидевших, какие хищнические, человеконенавистнические инстинкты пробудились на заре возникновения нового общества...» (там же).

---

⁴“He insisted on interpreting contemporary events through the prism of Jewish history, assimilating Judaic lore into his productions and alluding to nationalist Jewish archetypes”.

Едва ли не большинством современных историков и биографов Михоэлса эти «инстинкты» традиционно вписываются в «антисемитские кампании» последних лет правления Сталина и увязываются с убийством Михоэлса. Однако большинство событий, привлекаемых для иллюстрации подобных доводов, имело место уже после его гибели, что демонстрирует герменевтическую недостаточность этих версий. Так, более отдаленными от политического дискурса культурологическими исследованиями было показано, что «заметное увеличение числа спектаклей по Шекспиру в канун “пограничных событий” позволяет взглянуть на эти театральные постановки как на некие формы выражения общественного самосознания» (Бурлина, 2017: 333). Представляется, что именно его национальным выразителем в «чумные времена» засилья сталинской эпохи и становится ГОСЕТовский «Король Лир», образ которого идентифицируется с Соломоном Михоэлсом. И это раздвигает границы нашего исследования.

«Так можно сыграть короля, но не сыграть Лира...», — отмечал в 1940 г. Михоэлс в своей записной книжке (Михоэлс, 1965f: 357). Обстоятельства «чумных времен» сложились так, что одному из величайших исполнителей и трактователей шекспировского Лира довелось сыграть его роль не только на сцене, но и в жизнетворчестве. Ярким свидетельством этому может послужить тот факт, что помимо официальной критики, образ Михоэлса-Лира был подхвачен и советским самиздатом. Здесь можно вспомнить, к примеру, стихи М. Мермана «Год 1948, или Смерть короля Лира» с известными строками: «Он скитался по улицам минским — / Лир, поверивший клятвам дочерним» (Мерман, 2007: 53; см. также: Басин, 2015: 193).

Ряд образов шекспировской пьесы был привлечен впоследствии для символического описания конца сталинской эпохи и последовавшей «оттепели». Так, подобно тому, как в шекспировском «Короле Лире», лишь будучи ослеплен, граф Глостер прозревает правду (IV, 1), в своеобразном поэтическом манифесте (по определению И. В. Кондакова⁵) Ильи Эренбурга «Северная весна» (1957/58), заключаемом образом «прозревающей слепоты», был очевиден политический символизм отступающей ледяной зимы сталинской эпохи. Шекспировскую метафору, как представляется, отражают известные итоговые строки упомянутого стихотворения «Северная весна»: «И в креп-

---

⁵ «В 1958 г. И. Эренбург написал программное стихотворение о весне. 21 июня 1959 г. оно было опубликовано в “Литературной газете” под названием “Северная весна”. Это своего рода поэтический манифест оттепели. <...> Зима и ее образные символы представляют задним числом сталинскую эпоху и сознание людей, ее представляющих» (Кондаков, 2018: 174–175). Отметим, что и само понятие «оттепели» появилось после публикации в 1954 г. одноименной повести И. Г. Эренбурга.

кой, ледяной обиде, / Сухой пургой ослеплены, / Мы видели, уже не видя, / Глаза зеленые весны» (Эренбург, 1964: 487).

Одним из распространенных литературных мифов стал часто повторяемый и поныне рассказ о том, что Сталин присутствовал на спектакле ГОСЕТа «Король Лир» и (или) приглашал к себе Михоэлса для исполнения понравившихся фрагментов. Однако для этого Сталин должен был знать идиш, на котором исполнялся спектакль, что не соответствует действительности. Тем не менее известно, что Сталин действительно внимательно следил за отзывами о шекспировской постановке ГОСЕТа. Так, Сталин смотрел первый выпуск киножурнала «Советское искусство» за 1935 г. о ГОСЕТе («Союзкинохроника», реж. И. Я. Посельский), где Михоэлс заснят перед выходом на сцену и показаны фрагменты юбилейного спектакля «Король Лир». В ответ на критику Л. М. Кагановича о националистическом духе трагедии Шекспира Сталин «заявил, что, судя [по] данным в киножурнале фрагментам, спектакль очень интересен, постановка исключительно оригинальна, а игра актеров, особенно Михоэлса и Зускина, в высокой степени классна» (Трошин, 2003: 133).

«Шекспира можно по-разному толковать, но с ним нельзя спорить, ибо в конечном счете он всегда оказывается прав», — утверждал Михоэлс (Михоэлс, 1965е: 338). Вероятно, мы вправе добавить, что, истолковав на сцене Лира в духе эпохи, своею жизнью и гибелью Михоэлс продемонстрировал правоту и достоверность созданного им образа. Ряд историков утверждают даже, что Михоэлс-Лир стал едва ли не первой в череде жертв задуманного Сталиным геноцида еврейского народа, поскольку с очевидностью стоял «поперек пути» у сталинских планов. Так литературная мифологема о «советском Лире» включается в обширный социально-политический миф и через него убийство Михоэлса объясняется сталинскими антисемитскими мотивами, что порождает, однако, множество других вопросов и загадок. И потому всякая попытка разделения фактов и мифов о гибели актера и режиссера превращается в поле дебатов не менее жаркое, чем о жизни самого английского автора «Короля Лира» — Шекспира.

К САКРАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В ИСТОРИИ СТАЛИНИЗМА

Образ И. В. Сталина, высшей «инстанции» и «сакрального центра» власти Кремля, подвергся столь разветвленной мифологизации, что и по прошествии века еще очень далеко до его окончательной десакрализации. Прослеживая эволюцию социально-политической мифологии образов Сталина в российской исторической культуре XXI в., большинство современных исследователей вопроса рассматривают ее в контексте трансформации архе-

типического мифа о сакральном герое (Линченко, Иванов, 2017), который за рациональной видимостью объяснения исторических событий сохраняет свою иррациональную суть: «...сталинский миф представляет собой один из вариантов мифа о герое, который не только не исчерпал своих возможностей в наши дни, но и может осуществлять как конструктивные, так и деструктивные функции в обществе» (там же: 91). В рамках религиоведческо-семиотического подхода миф как сюжетное повествование о сакральных и сакрализуемых событиях, в частности сталинский миф, определяется рядом авторов «как особый нарратив, апеллирующий к квазирелигиозным мотивам или предполагающий наличие иррациональных последствий реальных либо мнимых поступков И. В. Сталина» (Прилуцкий, Светлов, 2016: 156). При этом подчеркивается, что в современном «сталинском идеодискурсе формируется мифологический синкретизм, контаминирующий свойства мифа о культурном герое, демиургического и героического мифа» (там же: 161).

В этой связи известный культуролог И. В. Кондаков рассмотрел представления о Сталине-демиурге, который «является главной сакральной фигурой отечественной истории и культуры XX и XXI века. Именно как сакральную фигуру советской и постсоветской эпох его только и возможно осмыслить и понять. <...> Сакрализация вождя, как в свое время фараонов, месопотамских царей и китайских императоров, свидетельствует о глубокой архаичности и традиционности этого феномена, масштабы которого фантастичны, особенно в контексте XX века. В этом качестве Сталин во многом и сегодня продолжает свое политическое и культурное существование...» (Кондаков, 2015: 432–433).

Российские философы и религиоведы А. М. Прилуцкий и Р. В. Светлов в своих работах подчеркивают: «Сталинский панегирический нарратив еще не является “сталинским мифом” — для того, чтобы им стать, он должен обрести сюжетность» (Прилуцкий, 2016: 88). Поскольку «семиосфера сталинского мифа — это все культурное пространство, в котором формируются, воспроизводятся и интерпретируются соответствующие дискурсы. <...> Сталинский миф сегодня востребован различными дискурсивными областями современной культуры...» (Прилуцкий, Светлов, 2016: 157), постольку в задачи настоящего исследования вошло рассмотрение в ракурсе «сталинского мифа» конкретного и популярного ныне сюжета о злонамеренном убийстве Сталиным Соломона Михоэлса, а также выявление в этом сюжете ряда мифологем, характерных для современных мифов и в особенности контрмифов о Сталине.

Так, отмеченные выше многоуровневые изводы сталинского «мифа о герое», с очевидностью оказавшие влияние и на первых исследователей «дела Михоэлса», включают мифологему (как искусственный конструкт из «ар-

хаического» и «конъюнктурного» уровней этого мифа) о всеведении и всевласти Сталина. В свою очередь, за ней, по нашему мнению, во многом стояли легитимизированные самим вождем и легко сакрализуемые политические символические ритуалы. Говоря о значении символического ритуала в функционировании этой мифологемы, мы опираемся на ценное наблюдение О. В. Хлевнюка относительно последних лет жизни Сталина: «Укрепляя и оберегая от малейших угроз свою власть, Сталин стремился к максимальной централизации и тщательному контролю. Именно поэтому, несмотря на очевидную нелепость, он сохранял порядок обязательной посылки для согласования тысяч бумаг, которые в большинстве своем не читались и затем отправлялись в архив. Здесь был важен принцип, символический смысл и незыблемый ритуал. Ничто не могло пройти мимо вождя. <...> Практика была далека от этого идеала. Конверты оставались нераспечатанными, соратникам приходилось верить на слово, внешние обстоятельства оказывались сильнее вождей...» (Хлевнюк, Горлицкий, 2011: 5–6).

СЮЖЕТНЫЕ ПЕРИПЕТИИ ПРИЧИН И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ГИБЕЛИ СОЛОМОНА МИХОЭЛСА

Представляется, что через выявление и новое обсуждение вероятных элементов отмеченной сакрализации сталинского образа в работах мемуаристов, а также основывающихся на их свидетельствах историков советской и постсоветской эпох, посвященных сюжету «убийство Михоэлса Сталиным», может оказаться также возможным вне тени «сталинского мифа» переосмыслить вновь поднимаемый нами вопрос о гибели Михоэлса, едва ли не с момента трагедии обрастающий все новыми, в том числе, на наш взгляд, мифологизированными, подробностями и объяснениями. Этот сюжет достаточно подробно рассмотрен в работах целого ряда писателей-документалистов, культурологов и историков конца XX — начала XXI в. Он сводится к следующему. Всемирно известный актер и режиссер, а также видный общественный деятель, председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс был убит 12 января 1948 г. высокопоставленными сотрудниками МГБ СССР по устному приказу Сталина, а его гибель замаскирована под несчастный случай в автокатастрофе.

О том, как готовилось и совершалось это убийство, на сегодняшний день известно лишь одно историографически легитимное свидетельство — сохранившаяся в Архиве Президента РФ (куда поступили материалы Политбюро ЦК КПСС) записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС «О привлечении к ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И. Го-

лубова-Потапова» от 2 апреля 1953 г.⁶ В этом документе цитируются объяснения и показания высокопоставленных сотрудников МГБ об их участии в убийстве Михоэлса. 1 апреля 1953 г. Берия был вынужден написать в Президиум ЦК КПСС эту особую записку в связи с подготовленным им ранее и направленным в Президиум ЦК КПСС предложением о реабилитации и освобождении арестованных по «делу врачей-вредителей»⁷, прекратить которое у него имелись как политические, так и личные веские основания⁸. Поскольку одним из общих обвинений многих из арестованных кремлевских врачей была их связь с Михоэлсом как «буржуазным националистом» и незадолго до того публично признанным резидентом агентов американских империалистов и израильских сионистов⁹, то реабилитация по «делу врачей» была невозможна без восстановления доброго имени Михоэлса.

Из данных «Записки» (в подчеркнутых местах имя Сталина вписано от руки) следует, что по личному приказу И. В. Сталина 12 января 1948 г. «в гор. Минске б[ывшим] заместителем Министра госбезопасности СССР ОГОЛЬЦОВЫМ, совместно с б[ывшим] Министром госбезопасности Белорусской ССР ЦАНАВА, по поручению бывшего Министра государственной безопасности АБАКУМОВА, была проведена незаконная операция по физической ликвидации МИХОЭЛСА. <...> ...АБАКУМОВ показал: "...глава Советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию МИХОЭЛСА, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что МИХОЭЛС, а вместе с ним и его друг... прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию МИХОЭЛСА под видом несчастного случая, т. е. чтобы МИХОЭЛС и его спутник погибли, попав под автомашину. <...> Было сказано — возложить проведение операции на ОГОЛЬЦОВА, ЦАНАВА и ШУБНЯКОВА. После этого ОГОЛЬЦОВ и ШУБНЯКОВ, вместе с группой подготовленных ими для данной операции работников, выехали в Минск, где совместно с ЦАНАВА и провели

⁶ До его расформирования «Записка...» хранилась в АП РФ, Ф. 3, оп. 58, д. 536, л. 103–107 (машинописный подлинник с рукописными вставками).

⁷ Уже через неделю после инициированного самим Берией его назначения на пост министра МВД СССР он создает особую группу по «делу арестованных врачей» и в приказе «О создании следственных групп по пересмотру следственных дел» от 13 марта 1953 г. обязывает в двухнедельный срок доложить результаты рассмотрения их следственных дел (Лаврентий Берия. 1953, 1999: 17–18).

⁸ Чтобы объяснить обеспокоенность Л. П. Берии по поводу возможных затрагивающих его последствий данного «дела», достаточно указать, что первый из арестованных по будущему «делу врачей» профессор Я. Г. Этингер был доктором семьи Берии, а медицинский консультант Сталина профессор В. Н. Виноградов — частым гостем в доме Серго Берии.

⁹ См., например, лично отредактированную Сталиным статью в газете «Правда»: Арест группы врачей-вредителей, 1953.

ликвидацию МИХОЭЛСА. <...> Цанава... заявил: “<...>...При приезде ОГОЛЬЦОВ сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И. В. Сталина должен быть ликвидирован МИХОЭЛС, который через день или два приезжает в Минск по делам службы... Убийство МИХОЭЛСА было осуществлено в точном соответствии с этим планом...”» (цит. по: Государственный антисемитизм в СССР..., 2005: 117–118).

Мотивы и обстоятельства убийства стали предметом ожесточенных споров среди исследователей эпохи позднего сталинизма, порою рассматривающих альтернативные версии. Так, ряд авторов ранее предположили, что гибель Михоэлса стоит особняком от «дела ЕАК», а также сталинской политики государственного антисемитизма и связана с делом родственников Сталина Аллилуевых (В. В. Кожин), при этом убийство Михоэлса могло быть подготовлено МГБ и лишь санкционировано Сталиным после представленных ему спецслужбами фиктивных конспирологических доказательств причастности Михоэлса к делу Аллилуевых (Ж. А. Медведев, А. М. Борщаговский и др.).

Уже первые исследователи «Записки» Берии обратили внимание на очевидные нестыковки и противоречия. Например, в ней бывший министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов дает показания, что Сталин приказал убить Михоэлса после его приезда в Минск, и затем туда было выслана опергруппа, а бывший министр госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанава свидетельствует, что эта группа прибыла к нему за несколько дней до приезда Михоэлса. Известно также, что первый протокол допроса («выбитый» следователями от И. И. Гольдштейна) по «делу Аллилуевых», в котором Соломон Михоэлс объявлялся его соучастником, собиравшим информацию о семье Сталина, был оформлен 9 января 1948 г. и, возможно, на следующий день (точнее поздний вечер — в 23:30) представлен Абакумовым Сталину. Когда именно этот документ был Сталиным прочитан, был ли прочитан вообще — в существующих публикациях не сказано. Однако согласно приведенным в «Записке» Берии показаниям Л. Ф. Цанавы, в это время группа по убийству Михоэлса уже находилась в Минске.

Подобные противоречия вызвали очевидное недоверие к документу. Так, один из первых научных комментаторов «Записки» Берии главный государственный архивист России профессор Р. Г. Пихоя указал, что данный документ требует тщательной проверки, поскольку «в этом описании событий, основанном на письме Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС на имя Г. М. Маленкова... *могут быть опущены важные детали*, невыгодные и автору письма, и его адресату» (Пихоя, 2000: 83; курсив источника. — М. Б., А. Р.). Действительно, по заключению Жореса Медведева, изложенные в «Записке» Л. П. Берии сведения о том, что директива об устранении Михоэлса

исходила лично от Сталина, являются политической интригой самого Л. П. Берии: «Не исключено также, что это была не директива, а лишь согласие с предложением, исходившим от самого Абакумова, в ведомстве которого эта “спецоперация” готовилась заранее, до 10 января» (Медведев, 2003: 58). Опубликовавший «Записку» филолог и критик А. М. Борщаговский, хорошо знавший Михоэлса лично, также полагал, что Берия инспирировал показания арестованных участников спецоперации и «позволил им решительно все свалить на Сталина, сделав их самих покорными... исполнителями высочайшего приказа. <...> В том, что Берия позволил (если не продиктовал!) всем троим спрятаться за спину Сталина, они видели какой-то шанс на спасение жизни...» (Борщаговский, 1994: 9–10; курсив наш. —М. Б., А. Р.).

Однако к настоящему времени среди историков возобладала противоположная версия Г. В. Костырченко, проводящая связь убийства Михоэлса в январе и ликвидации ЕАК в ноябре 1948 г. с неким «генеральным вектором» последовательной сталинской политики государственного антисемитизма и рассматривающая «Записку» Берии как неопровержимое свидетельство вины Сталина за гибель Михоэлса.

Здесь необходимо отметить, что одной из первых мифологизированный сюжет о Сталине-юдофобе как инициаторе, сценаристе и организаторе убийства Михоэлса в рамках долгосрочного антисемитского проекта опубликовала арестованная в декабре 1947 г. по «делу Аллилуевых» Л. А. Шатуновская в мемуарной книге «Жизнь в Кремле» (1982). В главе «Дело Михоэлса — Аллилуевых» автор объединила многочисленные слухи и мифы о гибели Михоэлса, «делах» Аллилуевых, ЕАК и др.¹⁰ в обобщающую версию о том, что «все эти аресты были звеньями одной цепи, этапами осуществления одного преступного сталинского замысла, целью которого было “окончательное решение” еврейского вопроса в СССР по гитлеровскому образцу. <...> Велось оно под личным руководством и наблюдением Сталина» (Шатуновская, 1982: 239). Важно отметить, что Л. А. Шатуновская одной из первых вводит и понятие «сценария», по которому раскручивались эти «дела», однако, по ее свидетельству, этот сценарий не был неизменен (в отличие от современных его трактовок): «“Дело Михоэлса — Аллилуевых”... представляло собой часть обширного, задуманного Сталиным политического замысла.

¹⁰ Книга Л. А. Шатуновской представляет несомненный интерес для исследователей сталинской мифологии, поскольку отражает эволюцию догадок в кругах советской интеллигенции о том, как и почему погиб Михоэлс. И. Г. Эренбург писал: «...раздавил грузовик. Эта версия казалась убедительной весной 1948 года; полгода спустя в ней многие начали сомневаться. Когда арестовали Зускина, все задумались: а как погиб Михоэлс?..» (Эренбург, 1967: 566). Однако, как ранее указывал Ж. А. Медведев, «книга эта не может считаться достаточно достоверной, когда Шатуновская пишет о Сталине, поскольку она в этом случае не уходит дальше слухов» (Медведев, 2003: 48, 52).

Оно развертывалось, поэтому, по заранее тщательно продуманному сценарию...<...>...в начале 1948-го года сценарий нашего дела был пересмотрен. Решено было открытого процесса не создавать, а Михоэлса тайно убить. Это было сделано по прямому и личному приказу Сталина» (там же: 239–240, 314).

Первым систематическим исследованием вопроса стала монография другого свидетеля сталинской эпохи, также не историка — известного радиолога профессора Ф. М. Лясса, где Сталин представлен как сценарист массового геноцида советских евреев, не успевший реализовать свои планы, а гибель Михоэлса рассматривается «этапом разворачивающейся трагедии»: «Сталин, естественно, расписывал роли...Видимо, С. М. Михоэлс не вписывался в его сценарий...<...> Значит, его надо было убрать» (Лясс, 2007: 47). Поэтапная сценарная модель «юдоцида» (термин Ф. М. Лясса) была также рассмотрена в целом ряде фундаментальных западных работ, пытающихся раскрыть «генеральный план заговора Сталина» против советской еврейской диаспоры в целом, как, например, в совместной монографии директора Института еврейских исследований YIVO (США) Дж. Брента и известного российского историка В. П. Наумова «Последнее преступление Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948–1953» (Brent, Naumov, 2003).

В России тему научно верифицировал известный историк Г. В. Костырченко, посвятивший исследованию генезиса сталинского «госантисемитизма» докторскую диссертацию и ряд научных монографий. Согласно выводам исследователя, к началу 1940-х гг. сталинский антисемитизм «был окончательно “пересажен” на номенклатурную почву, благодаря чему обрел статус систематической государственной политики» (Костырченко, 2014: 51), а «главной причиной и тайной расправы над Михоэлсом, и последовавших спустя год арестов деятелей ЕАК... стало послевоенное усиление государственного антисемитизма в стране, вызванное обострением холодной войны и личной юдофобией Сталина» (Костырченко, 2003b: Электронный ресурс), когда «к концу 40-х годов престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду стали мерещиться происки и заговоры сионистов» (Костырченко, 2003a: 707). По версии Г. В. Костырченко, хотя в последние годы жизни у одряхлевшего вождя уже не хватало пороха для осуществления таких крупномасштабных акций, как переселение евреев из городов в Сибирь (фактическая подготовка такой депортации — миф), однако убийство Михоэлса действительно было связано с «генеральным» антисемитским планом Сталина и его решением обезглавить ЕАК как орган еврейской культурно-национальной автономии: «...к неудовольствию Сталина, ЕАК... стал из “ручной” пропагандистской организации спонтанно превра-

щаться в орган еврейской культурно-национальной автономии. <...> В начале 1948 г. по негласному приказу Сталина был убит Михоэлс, олицетворявший собой волю советских евреев добиться прав на полноценное национально-культурное развитие» (Костырченко, 2011: 98–99). Таким образом, «главным виновником нагнетания государственного антисемитизма в стране и превращения аппарата МГБ в ударную силу этой политики был сам Сталин, что наглядно проявилось в истории физического устранения культурного лидера советского еврейства Соломона Михоэлса» (Костырченко, 2003а: 388).

Вероятно, учитывая критические замечания в адрес «Записки» Берии, Костырченко ввел в научный оборот первичные показания трех непосредственных убийц Михоэлса — Огольцова, Шубнякова и Цанавы, на основании которых версии Ж. А. Медведева, А. М. Борщаговского и аналогичные им признаются устаревшими: «Эти материалы... со значительно большей, чем раньше, точностью позволяют реконструировать обстоятельства гибели знаменитого артиста. <...> Слабое звено в приведенном рассуждении Медведева — намек на то, что с Михоэлсом расправился не столько Сталин, сколько другие, что Михоэлс стал жертвой перманентных номенклатурных разборок в ближайшем окружении вождя» (Костырченко, 2003b: Электронный ресурс).

В своих выводах исследователь опирается на написанные по приказу Берии «Объяснительные записки» заместителя министра госбезопасности СССР по общим вопросам генерал-лейтенанта С. И. Огольцова (лично руководившего в Минске убийством Михоэлса), его коллеги полковника Ф. Г. Шубнякова, а также показания бывшего министра МГБ Белоруссии генерала Л. Ф. Цанавы (на даче которого, по версии исполнителей преступления, был убит Михоэлс), опубликованные в сборнике документов «Государственный антисемитизм в СССР» Г. В. Костырченко как его составителем с одинаковой ссылкой на Центральный архив ФСБ РФ без уточнения фонда, археографического анализа и источниковедческой экспертизы (Государственный антисемитизм в СССР... , 2005: 120–130). Дело в том, что до настоящего времени данные документальные свидетельства недоступны исследователям, остаются также неизвестными происхождение и подлинность их ксерокопированных копий, заимствованных в претендующем на академизм сборнике архивных документов из литературного романа В. В. Левашова «Убийство Михоэлса» (Левашов, 1998). Со слов автора романа, ксероксы этих показаний были приобретены в 1997–1998 гг. у неизвестного лица, назвавшегося отставным сотрудником КГБ: «Как выяснилось, незадолго до этого он (издатель. — М. Б., А. Р.) купил у какого-то отставного кагэбэшника ксерокопии допросов по делу Михоэлса» (Левашов, 2004: 48–49). Отсылка в сборнике к Центральному архиву ФСБ как источнику происхождения данных документов была также опровергнута в «Открытом письме историку

Г. Костырченко» их первым публикатором В. В. Левашовым, где автор пишет: «Вы, г-н Костырченко, в своей статье обильно цитируете по моей книге докладную записку полковника Шубнякова, заявив перед тем, что это недавно опубликованные документы из архива ФСБ. Нигде они не опубликованы, только в моем романе» (там же: 49).

Текст ксерокса «докладной» записки Ф. Г. Шубнякова противоречит его нотариально заверенному заявлению по делу «генерал Питовранов против Молчанова», выдержки из которого были опубликованы газетой «Коммерсант»¹¹ и журналом «Коммерсантъ — Власть» в 1995 г. вместе с интервью самого Шубнякова (Жирнов, 1998: 38). Во время командировки в Минск для убийства Михоэлса полковник Шубняков был ближайшим подчиненным начальника 2-го ГУ МГБ СССР (управления контрразведки) и заместителя Абакумова генерал-лейтенанта Е. П. Питовранова. По возникшим в этой связи к Питовранову вопросам о его причастности к убийству Михоэлса с началом перестройки и было рассмотрено в суде это особое дело, которое бывший генерал МГБ выиграл. Однако для этого ему потребовалось призвать бывшего соратника. В защиту выступил вскорости скончавшийся Шубняков, а на следующий год после его смерти «всплыли», возможно, и появившиеся в связи с «делом Питовранова», реабилитирующие его участие в гибели Михоэлса ксероксы «протоколов» соучастников убийства. Однако свидетельство Шубнякова противоречит его «докладной» Берии. Мы говорим именно о «докладной», а не показаниях Ф. Г. Шубнякова, который в марте 1953 г. был освобожден из заключения по «делу Абакумова» и назначен приказом от 17 марта заместителем начальника 1-го ГУ МВД СССР, т. е. высокопоставленным подчиненным министра внутренних дел СССР Л. П. Берии, на имя которого в свой первый рабочий день на новой должности (18 марта 1953 г.) он и написал свои пояснения по делу Михоэлса в «Объяснительной записке по делу Михоэлса от полковника Шубнякова Ф. Г.» от 18 марта 1953 г. (Государственный антисемитизм в СССР... , 2005: 115–116). В той же ситуации находился на момент написания своей «Объяснительной записки» и С. И. Огольцов, отстраненный Берией от должности начальника упраздненного им ГРУ МГБ, но не лишенный еще пока звания и службы. В этом контексте мы можем и должны рассматривать группу документов, связанных с вмешательством Берии в дело Михоэлса, в которых это «дело» излагается в

¹¹ Это заявление было передано Ф. Г. Шубняковым 6 июня 1995 г. в Останкинский суд г. Москвы в связи с иском генерал-лейтенанта КГБ в отставке Е. П. Питовранова. См.: Тяжба отставного генерала КГБ с прессой, 1995: Электронный ресурс.

заданном самим Берией ключе как сфабрикованный им фальсификат¹². Представляется, что противоречивые по содержанию и сомнительные по достоверности показания убийц Михоэлса являются в первую очередь их составленным собственноручно оправдательным документом, возводящим приказ к верховному главнокомандующему и тем снимающим с них ответственность за содеянное. Но поскольку в главном эти показания соответствуют во многом некритично воспринимаемому мифологизированному сценарию наследия сталинской эпохи, их использование в качестве аргументов обычно не вызывает вопросов и недоумения у современных историков.

Как отмечалось ранее, в работах историков сталинского поколения, продолженных рядом современных исследователей, мотивы для принятия Сталиным столь необычного для него оперативного решения об убийстве Михоэлса связываются с его скрытым юдофобством. Однако как только устраняется фундаментальное представление о некоем «маниакальном антисемитизме» как движущем механизме поступков и решений Сталина, так сразу рушится вся схема, принятая для описания данного преступления, поскольку у вождя не находится иной причины заменять арест Михоэлса с целью выяснения тех или иных моментов его незамедлительной гибелью, причем осуществленной невиданным не только в истории ВЧК — НКВД — МГБ, но и вообще спецслужб мира «крупным калибром», когда для убийства выделяется десант высших руководителей госбезопасности, в том числе два генерала, а саму операцию координирует министр МГБ СССР.

«МЫ ДАВНО ЗАБЫЛИ, ЧТО СТАЛИН — ЧЕЛОВЕК...»

Ранее исследователями уже не раз отмечалось, что «демифологизация образов Сталина — это проблема не только совершенствования научных знаний, но и трансформации российской исторической культуры в целом. <...> Демифологизация станет возможной тогда, когда сформируется новая историческая культура, носителем которой будет являться новое поколение россиян. В данном случае нельзя не вспомнить о явлении “временного отстояния” как важнейшего элемента формирования действенно-исторического сознания...» (Линченко, Иванов, 2017: 96). Поколение историков, столкнувшихся лично с «обдуманной системой самоутверждения верховного бога в интересах большевистского режима», «большевистским богом, персонифицировавшимся в имени “Сталин”», когда «сама личность Сталина отрывается от общего объекта поклонения — от “бога-Сталина”» (Авторханов, 1981:

¹² Подробный критический анализ происхождения документов, на основании которых исследователями делаются спорные обобщающие выводы об обстоятельствах гибели Михоэлса, будет представлен нами в отдельной работе (Бисенгалиев, 2021).

313), — несомненно испытало на себе воздействие этой поистине кафкианской государственной фантазматической машины сакрализации культа его личности¹³. И. Г. Эренбург писал об этом феномене: «А мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот бог умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным...» (Эренбург, 1967: 731).

Особенностью дискредитации «мифов о Сталине», как отмечают современные исследователи, стало, в частности, то, что «у “шестидесятников” возник своеобразный истерический комплекс “борьбы с последствиями культа личности”, проявлявшийся в приписывании Сталину ответственности за все преступления, совершенные в период его правления» (Римский, 2011: 104).

Таким образом, «смена полярности» на критические исследования деятельности Сталина не смогла, на наш взгляд, еще на многие десятилетия окончательно преодолеть сакрализацию его образа, или, по формулировке М. Вайскопфа, «сакрального alter ego» вождя, поскольку он «одновременно и демиург, и преданный жрец демиурга... <...> И это же раздвоение нагнетается в его официальном отношении к собственной личности» (Вайскопф, 2001: 369). По мере деконструкции мифологического синкретизма «сталинского идеодискурса» его демиургическая составляющая все более рассматривается исследователями через амбивалентные манихео-гностические коды бинарных оппозиций русской смысловой матрицы¹⁴, в результате чего Сталин вместо всеблагого демиурга Платона предстает в образе поработившего души

¹³ О методах работы этой «машины» см. недавние монографии американского историка Д. Л. Бранденбергера «Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941» (Бранденбергер, 2017); немецкого историка Я. Плампера «Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве» (Плампер, 2010), в которой автор заключает, что образ Сталина в России до настоящего времени не десакрализован, а также специальное исследование «маркетинга» Сталина на советских плакатах австралийского искусствоведа Аниты Пиш, в котором автор ставит вопрос о религиозных первоисточниках сакральной «иконографии Сталина» и приходит к итоговому выводу о том, что сталинское «руководство применяло марксистский и научный подход к образованию и пропаганде, проявляя особый интерес к привитым условным рефлексам, евгенике и эволюционной теории Ламарка; сознательно и продуманно решив использовать в этих целях как словесный, так и визуальный языки, опираясь на уже существующие лексику Православной церкви, национальные мифологии и универсальные архетипы» (“...the leadership applied a Marxist and scientific approach to education and propaganda, with particular interest in conditioned reflexes, eugenics and Lamarckian evolution, the decision to employ a language, both verbal and visual, drawing on the pre-existing vocabulary of the Orthodox Church, national mythologies and universal archetypes, became conscious and deliberate”; Pisch, 2016: 374–375).

¹⁴ Об этих, по мнению А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко, А. И. Музыкантского и ряда других современных исследователей, характерных для русской культуры бинарных оппозициях ментальных изменений в рамках процессов секуляризации и трансформации сакральности см., например: Яковенко, Музыкантский, 2010.

людей и властвующего над ними в своем «эоне» демонического Демиурга христианских гностиков¹⁵. При этом возвращенный в русский религиозно-философский дискурс Вл. С. Соловьевым и его последователями гностический миф о ревнивом и злом бастарде божественной Софии — Демиурге — вместе с конспирологической мифологемой о личной вине Сталина в гибели Михоэлса объединяют шекспировские коннотации из «Короля Лира», где граф-бастард Эдмунд Глостер тайно посылает офицера для убийства плененного Лира, которое выглядело бы как суицид. Так метафора судьбы Михоэлса как «советского короля Лира» эпохи сталинизма в процессе критической де/ремифологизации этой эпохи обретает новые мифологические предпосылки.

Следует признать, что как апологетическое, так и критическое отношение к сакрализованному образу И. В. Сталина все еще подвержено влиянию мифов сталинской эпохи и зачастую находится за пределами аксиологических оценок, поскольку обе точки зрения «испытывают на себе определенное влияние мифов о Сталине, которые могут выступать как в форме апологетических мифов, так и в различных формах контрмифов» (Линченко, Иванов, 2017: 91). Таким образом, воздействие социальных мифов на становление исследований сталинской эпохи все еще ощутимо в противоречиях демифологизации «сталинского мифа» в современной российской исторической культуре. В частности, убежденность ряда авторов в том, что события многолетней борьбы с космополитизмом и эскалация антиеврейских гонений на фоне внутривосточной «шовинизации» разворачивались исключительно по заранее задуманному Сталиным сценарию, отражает, на наш взгляд, в том числе и отмеченную выше сакрализацию его фигуры в глазах этих историков, в большинстве своем относящихся к поколению свидетелей сталинизма. Так, в работах выросших в сталинскую эпоху А. М. Борщаговского, Ж. А. Медведева, Ф. М. Лясса, А. И. Ваксберга и ряда других первых исследователей вопроса предпринята попытка представить Сталина в качестве действовавшего по заранее составленному изощренному сценарию некоего гениального драматурга и режиссера всесоюзного «политического театра»: «В этом согласны и А. Солженицын, и Р. Такер, и А. Антонов-Овсеенко, и Б. Гройс, и многие другие исследователи, задумывавшиеся о Сталине-драматурге» (Кондаков, 2015: 438). В том числе и в осуществлении якобы готовившегося Сталиным загодя массового геноцида советских евреев. Гибель Михоэлса рассматривается ими как один из этапов этого многолетнего многоходового сценария,

---

¹⁵ О Демиурге у Платона и гностиков см.: O'Brien, 2015. Обзор вопроса о рецепции гностических идей в русской культуре начала XX в. через кризисное мировосприятие см., например: Рычков, 2013.

иначе говоря, в качестве своеобразного конспирологического элемента в теории заговора, ремифологизирующей образ Сталина. Критический анализ отражающих мифы времен начала холодной войны источников этой «сценарной теории» приводит к выводу о необходимости пересмотра «дела Михоэлса».

К ЮДОФОБСКОЙ КОНТРИМИФОЛОГИИ ОБРАЗА СТАЛИНА

Различные дискурсы мифологии образа И. В. Сталина продолжают оставаться важной частью современных социальных мифов, исторических мифологем и конспирологических версий истории. В их числе — миф о законченном сталинском антисемитизме, который относится ко временам холодной войны и был впервые тщательнейшим образом проработан западными советологами того времени в рамках исследований послевоенного гомосексуализма в СССР, историография и обширная библиография этих работ была недавно рассмотрена в статье Тамаша Кенде (Kende, 2019a). В современном изводе этого мифа образ Сталина вбирает целый ряд библейских коннотаций: от притеснений Навуходоносора до событий Исхода (последнее очевидно связано с образованием Израиля). А в социально-политическом контексте этот миф увязывает с потаенным антисемитским сценарием вождя целый ряд политических процессов и гонений, связанных с евреями, в том числе убийство Михоэлса и так называемое «дело Еврейского антифашистского комитета» (ЕАК).

Как специально отметил в свое время культуролог (и свидетель сталинской эпохи) В. В. Кожин, уделявший большое внимание развенчиванию мифов и исторических штампов кризисных периодов отечественной культуры, «множество нынешних авторов утверждает, что Сталин был чуть ли не врожденным “антисемитом”... и только до поры до времени не проявлял это свое “качество” открыто и агрессивно. <...> Однако при объективном исследовании существа дела выясняется, что нет никаких сколько-нибудь достоверных сведений, дающих основания для причисления вождя к антисемитам — то есть к людям, которые негативно относятся к евреям как таковым — как к национальности, к этносу» (Кожин, 1999a: 269).

В пользу этого мнения в своей недавней статье высказался и руководитель Центра этнополитических исследований проф. Э. А. Паин: «Вне зависимости от того, была или не была присуща лично Сталину юдофобия, его национальную политику, в том числе и по отношению к евреям, на мой взгляд, нельзя свести к проявлениям ксенофобии, во всяком случае, в том понимании этого явления, которое сложилось в социальной психологии. Здесь под ксенофобией понимаются *иррациональные, неконтролируемые*

страхи и предрассудки по отношению к другим. Сталинский антисемитизм был совсем иным — осмысленным, контролируемым и прагматично-циничным. Диктатор использовал этот инструмент политики в определенные исторические моменты и мог, по своему усмотрению, возбуждать и останавливать антисемитские кампании, как и любые другие. Я хочу подчеркнуть, что сталинская политика репрессий и целенаправленного возбуждения массовой нетерпимости не была ориентирована на какую-то одну этническую общность. <...> Другое дело, что политическая прагматика советского руководства неизбежно оживляла накопившиеся стереотипы, ксенофобию в массовом сознании. В этом случае фобии по отношению к евреям, разжигаемые со времен Российской империи, распространились быстрее и шире, чем другие в СССР» (Паин, 2020: Электронный ресурс).

Со своей стороны, свидетель эпохи и близкий знакомый Соломона Михоэлса А. М. Борщаговский подмечает важную для нашего анализа «мифопоэтическую» подробность из главного (и, по нашему мнению, единственно достоверного) документального свидетельства о первостепенной роли Сталина в планировании гибели Михоэлса — «Записки» Берии: «Абакумов... пытался изо всех сил доказать, что убийство Михоэлса было организовано не им самим, а навязано ему высочайшим приказом, монаршей волей... <...> Так, словно Сталин, никому не доверяя вполне, сам продумывает детали убийства, подбирает исполнителей, печется о мелочах и в нетерпении нервничает» (Борщаговский, 1994: 10).

В этой связи в общепринятой ныне версии истории гибели Михоэлса мы различаем присутствующие архетипичные истоки и сакральные традиции мифологемы о том, что Сталин лично занимался каждой мелочью каждого советского человека, а также несущего очевидные библейские коннотации мифа о сталинском антисемитизме как протяженной и затаенной иррациональной (т. е. порожденной давней паранойей, и потому особенно устрашающей) юдофобии вождя, на многие годы вперед запланировавшего итоговое «окончательное решение» вопроса о советских евреях путем их массовой депортации в отдаленные районы страны¹⁶.

---

¹⁶ Рассматривая несостоявшуюся депортацию советских евреев как еще одну мифологему, отметим мнение американского исследователя В. Х. Уинстона, автора подробного аналитического обзора полемики вокруг гипотезы об активно проводимых в жизнь планах Сталина по выселению евреев на восток СССР, который констатирует отсутствие каких-либо исследований, где были бы убедительно продемонстрированы доказательства такой «возможной по слухам» программы по повторению в СССР “Judenrein policies”, и (до появления более убедительных архивных свидетельств) предлагает относить не критически настроенных сторонников этой гипотезы к группе «уверовавших» (Winston, 2015: 482–486), что, по нашему мнению, переносит рассматриваемую полемику из научного в мифотворческий контекст.

Российский культуролог и философ проф. И. Г. Яковенко относит первую мифологему, где в образе Сталина проявляется «предельный уровень патернализма, когда Вождь думает за всех, ставших под его высокую руку», к «мифологии традиционного общества, восходящей к культурному космосу русского крестьянства» (Яковенко, 2011: 26–27), и приходит к заключению, в этой связи, что «в нашей стране... мифология великого Сталина стала символом исторической инерции» (там же). Действительно, ряд исследователей указывает, что уже самому формированию и развитию мифа о Сталине способствовало сознание бывших крестьян, переселенцев в города, поскольку «в их коллективном бессознательном продолжал существовать архетип отца как основы их прежнего деревенско-патриархального уклада жизни. Этот архетип эффективно использовался Сталиным и его ближайшим окружением: он проецировался на мифический образ вождя...» (Римский, 2011: 99), в том числе как патриархального самодержца, отечески пекущегося, наказывающего и направляющего подданных своей монаршей волей, образ которого занимал немаловажное место в имперском социодискурсе России. «Если это предположение справедливо, то оно позволяет установить еще одну точку пересечения и взаимодействия “сталинского” и “имперского” дискурсов...», — заключает в этой связи А. М. Прилуцкий (Прилуцкий, 2016: 89). Как мы видим, в картине мира носителя культуры и мифологии традиционного общества (но, как подчеркивает И. Г. Яковенко, не находящейся с ней в столкновении «мифологии модерна, большого общества, либерально-гуманистических ценностей...» (Яковенко, 2011: 26)) мифологизированная оценка образа Сталина преобразуется: вместо «старшего брата» — потомка сакрального героя он оказывается сакрализованным отцом-героем своих потомков.

Что касается мифа о сталинском антисемитизме (в его современном наукообразном изводе), ключевой точкой которого служит легенда о планируемой вождем тотальной еврейской депортации, то в настоящее время считается доказанным, что слухи о такой депортации оказались несостоятельными (Костырченко, 2003с). И уже в начале 1990-х гг. А. М. Борщаговский (сам числившийся в «безродных космополитах») указывал, что слухи о «ссылке, депортации евреев страны» отражают «не миф, но мифологический, близкий к фантастике образ вожделений и тайных замыслов Сталина» (Борщаговский, 1994: 36). Г. В. Костырченко также отмечает, что этот «миф сталинской эпохи» имел основания как в происходившей, по его мнению, эскалации «сталинского антисемитизма», так и в известном опыте большевиков по бессудному и массовому выселению людей, «но также верно и то, что в тех условиях подобный сценарий был неосуществим», и приводит этому целый ряд доказательств (Костырченко, 2011: 106). Критический анализ совре-

менных изводов мифа о сценарии сталинской депортации евреев, в т. ч. легенды о том, что смерть Сталина от апоплексического удара произошла «когда он пришел в ярость от того, что его ближайшие соратники отвергли план выселения евреев», а также обзор «документально не подтвержденных слухов о депортации евреев, циркулировавших в последние годы жизни Сталина и, по всей видимости, отражавших не официальную политику, а настроение в обществе», — приведен в тематической работе Г. Эстрайха, включающей обширную библиографию (Эстрайх, 2018: 108).

МИФ О СТАЛИНСКОМ АНТИСЕМИТИЗМЕ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ: PRO ET CONTRA

Миф о сталинском антисемитизме как минимум до начала кампании против театральных критиков-антипатриотов в 1949 г. не имеет прямых документальных подтверждений, хотя и опирается на целый ряд мемуарных источников. Однако при детальном обращении к этим мемуарным источникам в действительности мы находим большое число противоречивых, а подчас противоположных свидетельств и мнений, в т. ч. из личного окружения Сталина. Так, Н. С. Хрущев свидетельствует о сталинских «высказываниях, от которых явно несло антисемитизмом» и его «приступах» у Сталина (Хрущев, 1999: 67, 232). Со своей стороны, А. И. Микоян вспоминает, что к концу 1940-х гг. «у Сталина антиеврейские чувства приняли острую форму», а «после ареста врачей... действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер...» (Микоян, 1999: 536). Дочь Сталина С. И. Аллилуева утверждает, что в 1949 г. (после ареста бывшей супруги В. М. Молотова П. С. Жемчужиной) Сталин говорил, вспомнив о ее первом муже-еврее Г. И. Морозове, о сионистских происках: «Арестовали и Полину Семеновну Жемчужину... <...> “Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька”, — сказал мне некоторое время спустя отец. <...> “Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко — сионизмом заражено все старшее поколение (евреев. — М. Б., А. Р.), а они и молодежь учат...”» (Аллилуева, 1990: 149). Следует отметить, что эту фразу Сталина исследователи часто вырывают из контекста для доказательства проявлений его антисемитизма уже в 1944–1947 гг., что нельзя признать корректным.

Более того, этими исследователями опускается тот факт, что часть не менее близких к Сталину мемуаристов скорее отрицает его личный антисемитизм. Так, В. М. Молотов сообщает, что «Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить» (цит. по: Чуев, 2002: 333). То же утверждает и Л. М. Каганович: «Есть высказывания Сталина по этому вопросу — о том, что антисемитизм у нас уголовно наказуем. Сталин не был антисемитом <...> Но боялся Сталин того, что у евреев много мелкобуржуазных элементов

<...>. Но это не антисемитизм» (Чуев, 2001: 172). Племянник супруги Сталина В. Ф. Аллилуев добавляет, что «громкие кампании тех времен — “дело врачей”, борьба с “безродным космополитизмом”, история с Крымской еврейской автономией — были не результатом мифического “зоологического антисемитизма” Сталина...» (Аллилуев, 2002: 238). По мнению же бывшего зятя вождя Г. И. Морозова, его развод со Светланой Аллилуевой не был связан с национальностью, поскольку «в случае необходимости он охотно привлекал евреев к осуществлению своих планов. <...> То, что я еврей, особого значения для Сталина, как мне кажется, не имело» (Сорокин, Морозов, 2002). И наконец участник самых секретных сталинских проектов генерал П. А. Судоплатов (бывший в 1947–1950 гг. начальником отдела по диверсионной работе МГБ) объясняет в своих мемуарах сталинские высказывания и подражания еврейскому «прононсу» (которые Хрущев определял как антисемитские) своеобразным юмором Сталина, который «в сущности, являлся антисемитом не больше, чем антимусульманином» (Судоплатов, 1997: 475). Как видно из приведенных примеров, мнения мемуаристов противоположны, и то, что Хрущев¹⁷ считает антисемитизмом Сталина, Судоплатов, — женатый на коллеге-еврейке Эмме Кагановой и работавший в диверсионном отделе с другими коллегами-евреями (включая организатора убийства Троцкого Н. И. Эйтингона), — определяет как шутки вождя, которые надо было уметь понимать.

Известны также протокольные записи и мемуарные источники, согласно которым в военное время Сталин высказывал недоверие к евреям как хорошим бойцам: «Евреи — плохие вояки», — признал Сталин в беседе с генералами Вл. Андерсом и Вл. Сикорским в Кремле, состоявшейся 3 декабря 1941 г. (цит. по: Гутман, 2010: 132–133), «и среди них тоже можно встретить бесстрашных воинов, но редко», добавил вождь к этой характеристике в беседе с грузинским историком академиком Н. А. Бердзенишвили (цит. по: Бердзенишвили, 2019: 515). Кроме этих, трактуемых по-разному свидетельств, мы не находим легитимных мемуарных и документальных материалов о проявлениях сталинского антисемитизма по крайней мере до конца 1948 г., когда Михоэлс был уже мертв.

---

¹⁷ Об отношении руководства республики к теме имущественных и жилищных вопросов, поднимаемых евреями, возвращающимися из эвакуации, упоминается в мемуарах генерал-лейтенанта НКВД П. А. Судоплатова: «Помню, как Хрущев, тогда секретарь коммунистической партии Украины, звонил Усману Юсупову, секретарю коммунистической партии Узбекистана, и жаловался ему, что эвакуированные во время войны в Ташкент и Самарканд евреи “слетаются на Украину, как вороны”» (Судоплатов, 1997: 474).

---

*СУЩЕСТВУЮТ ЛИ
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ?*

Из альтернативных «конспирологическому мифу», ремифологизирующему образ Сталина, наиболее объективным представляется подход известного историка-архивиста проф. О. В. Хлевнюка, полагающего, что «политический антисемитизм Сталина нарастал, превращаясь в последние годы его жизни в важное орудие внутренней и международной политики» (Хлевнюк, 2015: 390). В этом ракурсе появляется возможность говорить о том, что эскалация антиеврейских настроений и планов Сталина более вероятно могла происходить по принципу обратной связи. Например, фальсифицированные следователями по «делу Аллилуевых» факты по «пробравшемуся» в семью Сталина еврейскому заговору (доклады о «разработке» которого стали ложиться на стол Сталина с зимы 1948 г.) разожгли подозрительность вождя, который, в свою очередь, инициировал дальнейшую работу по поиску новых доказательств и связей, а значит и дальнейшую фальсификацию дел в меру фантазии преследовавших в первую очередь свои собственные цели сотрудников МГБ. Добытые таким путем новые сведения подливали масла в огонь — и так, циклично фантазматическая параноидальная «реальность», постепенно раскручивая свою пружину, становилась реальностью внутривнутриполитической, на формирование которой вскоре наложила отпечаток также и реальность внешнеполитическая. В нашем случае, основные реалии последней — это эскалация холодной войны и «потенциально проамериканская» политика государства Израиль, само возникновение которого (вопреки проводимой в СССР политике интернационализации и ассимиляции) инициировало массовые проявления национального самосознания у советских евреев. Были и другие причины, которые отсутствовали ранее: Холокост, неизбежно напомнивший всем желавшим ассимилироваться советским евреям, что избавиться от своей национальности вовсе не просто, и — что обычно не учитывается — появление среди советских евреев сотен тысяч их соплеменников с территорий Польши, Румынии, Прибалтики, т. е. людей с совершенно иным менталитетом, в том числе и в национальном вопросе.

Таким образом, изменение национального самосознания у еврейского населения СССР (наложившееся на внешне- и внутривнутриполитические осложнения), проблемы со здоровьем¹⁸, а во многом и семейные неурядицы вождя¹⁹,

---

¹⁸ Обзор вопроса о состоянии здоровья Сталина в 1949–1950 гг. см. в нашей работе (Бисенгалиев, 2020).

¹⁹ О. В. Хлевнюк отмечает, что опасения Сталина о вреде евреев-националистов «только усиливали еврейки — жены его ближайших соратников, еврей — муж его дочери и т. д.» (Хлевнюк, 2015: 390). В этой связи необходимо отметить, что на подозрительно негативное отношение к евреям, близким его семье, в последние годы жизни Сталина натолкнул

постепенно образовали ту картину, которая, в итоге, привела Сталина уже в 50-е годы к личному курированию сфабрикованного в МГБ «дела врачей», а также открыто высказанному вождем 1 декабря 1952 г. на заседании Президиума ЦК КПСС убеждению: «Любой еврей-националист — это агент америк[анской] разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов» (цит. по: Малышев, 1997: 140–141).

Обратим внимание на тот факт, что эту фразу Сталина, подобно рассмотренной выше цитате из мемуаров С. И. Аллилуевой, также часто вырывают из ее контекста или даже перевирают («Любой еврей — националист...» и т. д.). Сталин произнес эту тираду в разгар «дела о сионистском заговоре в МГБ» («о вредительской работе Абакумова», бывшего главы МГБ) и «дела врачей» (которые были арестованы в октябре—ноябре 1952 г.), когда на Пленум были вынесены вопросы «о вредительстве в лечебном деле» и «информация о положении в МГБ СССР», которые Сталин представил в своей речи как взаимосвязанные²⁰. Далее Сталин говорил о неудовлетворительной и бесконтрольной ситуации в МГБ: «Неблагополучно в ГПУ. Притупилась бдительность. Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ...<...> Есть одно средство — контроль и критика. <...> Контроль со стороны ЦК за работой МГБ. Лень, разложение глубоко коснулись МГБ» (цит. по: Малышев, 1997: 141). Согласно комментарию О. В. Хлевнюка, «основными объектами атак Сталина были “еврей-националисты” и МГБ, что полностью соответствовало изначальной сталинской идее о взаимосвязи между “врачами-вредителями” и “заговорщиками” в органах госбезопасности. В сталинском выступлении получил отражение и еще один элемент его схемы о заговоре — связь врачей и арестованных чекистов с иностранными

целый ряд в действительности нелицеприятных и провокационных происшествий. Достаточно вспомнить, например, историю любовных домогательств в 1942–1943 гг. 38-летнего женатого кинодраматурга (и известного ловеласа) А. Я. Каплера к шестнадцатилетней, особенно любимой Сталиным дочери — школьнице С. И. Аллилуевой (весной 1943 г. по приказу Сталина Каплер был арестован и осужден за антисоветскую агитацию к пяти годам лишения свободы). Последующие влюбленность и брак в 1944 г. С. И. Аллилуевой с Г. И. Морозовым, евреем по национальности и одноклассником В. И. Сталина, также окончились скандалом: его отец использовал возникшее родство в корыстных целях, в т. ч. делал карьеру, бравирова знакомством с родственниками Аллилуевой и Сталиным (по приказу Сталина в 1948 г. Г. И. Морозов был арестован по обвинению в «клеветнических измышлениях против главы Советского государства», а брак с Г. И. Морозовым был расторгнут). Вот лишь несколько примеров, на основании которых следует учесть «семейный фактор» в закономерном увеличении настороженности вождя к своему еврейскому окружению в конце его жизни.

²⁰ Кремлевский «Лечсанупр» фактически управлялся МГБ СССР.

разведками» (Хлевнюк, Горлицкий, 2011: 208). И уже в постановлении ЦК от 4 декабря 1952 г. ответственность за деятельность «врачей-отравителей» была возложена на В. С. Абакумова и его подельников. Сохранились документальные свидетельства, что Сталин был действительно уверен и в том, что «врачи-отравители» (вовсе не одни только евреи) в Кремле существовали, и в их связи с иностранными разведками. Как следствие вождь постоянно требовал от МГБ срочных фактических подтверждений своих подозрений, тем самым подстегивая все большую фальсификацию «дела врачей» (там же: 205–213). Таким образом, выступление Сталина посвящено конкретно «евреям-националистам», «агентам иностранных разведок» и с очевидностью не носит того «общеантисемитского характера», который ему приписывает ряд исследователей.

Более того, в то же самое время на заседании Политбюро, обратившись в председательствовавшему секретарю ЦК Г. М. Маленкову, Сталин выступил с резкой речью против антисемитизма в аппарате ЦК КПСС. По свидетельству члена Комитета по искусству Т. Н. Хренникова, присутствовавшего, согласно его воспоминаниям, в декабре 1952 г. на этом обсуждении в Политбюро предложений по Сталинской премии: «...вдруг Сталин говорит: “Товарищ Маленков, у нас что, в ЦК антисемиты завелись?! Это же безобразие, это же позорит нашу партию!” И такой произнес монолог... <...> Маленков говорит: “Мы из слов товарища Сталина должны сделать далеко идущие выводы”» (Хренников, 2005: Электронный ресурс)²¹.

По свидетельству другого члена Комитета, К. М. Симонова, еще ранее, при обсуждении Сталинских премий на заседании Политбюро 26 февраля 1952 г.: «Сталин говорил очень сердито, раздраженно... <...> “Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо?”» (Симонов, 1990: 188, 201). Речь вождя была связана с принижительным, как ему показалось, отношением к еврейским соискателям премии, подлинные фамилии которых указывались вслед за их литературными псевдонимами. По мемуарному заключению К. М. Симонова: «...Сталин сыграл в тот вечер перед нами, интеллигентами... спектакль...» (там же: 203), поскольку писатель «уже после смерти Сталин... познакомился с несколькими документами, не оставлявшими никаких сомнений в том, что в самые последние годы жизни Сталин стоял в еврейском вопросе на точке зрения, прямо противоположной той, которую он нам публично высказал» (там же). Однако представляется, что Сталин не

²¹ В книге воспоминаний «Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе: запись и обраб. диалогов В. Рубцовой», написанной со слов Т. Н. Хренникова, эта фраза И. В. Сталина приводится в похожем виде: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!» (Хренников, 1994: 179).

снисходил до лицедейства перед Симоновым и его коллегами по цеху, слишком неравными были их статусы.

На основании рассмотренных выше материалов можно уверенно предположить: перед нами важное свидетельство того факта, что вождь практически до конца своих дней разделял внутри себя «небольшевистскую» антисемитскую позицию и «праведную» борьбу с «предательским и шпионским» еврейским национализмом. Возможно, именно этим двойственным отношением Сталина к еврейскому вопросу можно объяснить рассмотренную нами выше противоречивость мемуарных свидетельств. Ведь ранее в своих многочисленных сочинениях бывший нарком РСФСР по делам национальностей Сталин настолько обстоятельно заклеил позором антисемитизм, что отступление от этих позиций психологически было бы, говоря современным языком, равноценно потере части самоидентификации, утрате внутренней личностной истории. Для примера приведем широко известный ответ Сталина на вопрос Еврейского телеграфного агентства из Америки в 1931 г., в котором он тезисно резюмировал тематические выводы из своих трудов: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. <...> Антисемитизм опасен для трудящихся... Поэтому коммунисты как последовательные интернационалисты не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (Сталин, 1951: 28). Этот ответ был переиздан в составе последнего (13-го) тома «Сочинений» И. В. Сталина в 1946 и 1951 гг.

Как отмечает А. И. Ваксберг, именно при Сталине произошло резкое ужесточение уголовного законодательства, преследующего антисемитизм, и если в 1920-е гг. антисемитские проявления наказывались сравнительно мягко, как пережитки прошлого, то в 30-е гг. сталинская фраза о расстреле активных антисемитов была отнюдь не преувеличением (Ваксберг, 2003: 140–145). В этой связи следует, вероятно, согласиться с мнением Ж. А. Медведева, который в своем анализе вопроса «Сталин и еврейская проблема» писал, что если мы и вправе говорить о «сталинском антисемитизме», то «антисемитизм Сталина, о котором можно прочитать почти во всех его биографиях, не был ни религиозным, ни этническим, ни бытовым. Он был политическим...» (Медведев, 2003: 92).

ВЗГЛЯД ЗА «ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ»

Представляется, что реальные факторы, спровоцировавшие Сталина на решения, которые действительно можно охарактеризовать как «политический антисемитизм», проявились лишь к осени 1948 г. В частности, тот же

Г. В. Костырченко специально отмечает этот своеобразный «рубеж» в изменении политики: «Воздействие извне на еврейскую проблему в СССР особенно стало ощутимым после того как в 1948 г. возникло государство Израиль. Возрождение еврейской государственности на Ближнем Востоке вызвало в советском еврействе (в первую очередь в его образованном слое) всплеск национального самосознания... <...> Именно тогда запущенному ранее процессу административной ассимиляции было придано сверху силовое ускорение, и он приобрел репрессивно-силовой форсированный характер» (Костырченко, 2011: 99).

Действительно, разногласия по вопросу репатриации советских евреев между двумя государствами и ряд внешнеполитических факторов в конечном итоге привели к тому, что к концу 1949 г. по инициативе СССР с Израилем прекратились торговые связи, а в середине 1950 г. был констатирован переход Израиля из страны нейтральной в американский лагерь, причем «Рубиконом» послужила далекая от всего связанного с еврейским вопросом война в Корее. В итоге в феврале 1953 г. с Израилем были разорваны и дипломатические отношения²². Именно в этот период, по заключению американского проф. истории Питера Блитстайна, для Сталина «евреи и еврейская самоидентификация стали теперь наиболее существенной угрозой со стороны нацменьшинств, преданные американцам и, возможно, Израилю, но точно не СССР» (Блитстайн, 2011: 590). Другой известный американский историк, директор Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований Калифорнийского университета проф. Ю. Л. Слэзкин особо выделяет тот важнейший по своим последствиям момент, когда «евреи, как советская национальность, стали этнической диаспорой, потенциально лояльной враждебному государству»: «После создания Израиля и начала “холодной войны” они обратились в подобие греков, немцев, поляков, финнов и прочих “некоренных” национальностей, этнически связанных с заграничной родиной и, следовательно, неисправимо чуждых. Государственный антисемитизм конца 1940-х — начала 1950-х годов был, среди прочего, запоздалым применением этнической составляющей Большого террора к этнической группе, избежавшей его в 1937–1938 годах» (Слэзкин, 2007: 382).

Эти выводы противоречат концепции Г. В. Костырченко, на которую опирается исследователь при обосновании убийства Михоэлса, и согласно которой личный антисемитизм Сталина стал проявляться в государственной политике с конца 1930-х гг., поскольку «с середины 1930-х гг. “евреинационалы”, как и другие нацменьшинства (поляки, чехи, немцы и др.), стали

---

²² Поводом стал взрыв бомбы на территории миссии СССР в Израиле, произведенный так и не найденными террористами.

преследоваться режимом, а в годы “Большого террора” подверглись репрессиям как агентура враждебных СССР стран» (Костырченко, 2011: 92). Тем не менее, целому ряду современных историков представляется упрощающим и однолинейным сведение сталинской антиеврейской политики того времени к возрождению якобы традиционного для нашей страны антисемитизма как агрессивной юдофобии в высшем аппарате государственной власти и лично у Сталина (см., например: Kende, 2019b). Так, по мнению венгерского историка Тамаша Кенде, «антиеврейские кампании в Советском Союзе и других социалистических государствах коренились в сталинско-большевистской паранойе в отношении каждого национального меньшинства, обладающего, с одной стороны, некоторой национальной автономией и / или институциональной сетью (такой как автономные права, театры, колледжи, издательства и т. д.), а также национальной родиной за рубежом, которая в то время воспринималась как враждебная Советскому Союзу. Так, во время второй фазы Большого террора в 1937/1938 гг. десятки тысяч этнических немцев, поляков, латышей, финнов и румын были казнены как потенциальные шпионы, внедренные в Советский Союз»²³ (Kende, 2019a: 67–68).

Сходного мнения придерживается и О. В. Хлевнюк, который в недавней монографии «Сталин. Жизнь одного вождя» (2015) предложил рассматривать послевоенный антисемитизм Сталина как политический феномен, который с 1948 г. развивался по нарастающей. Приведем эти важные для нашей работы выводы исследователя подробнее: «Существует соблазн считать, что юдофобия, которую Сталин без стеснения демонстрировал в последние годы жизни, всегда являлась важной частью его мировоззрения и предрассудков. Однако многие факты позволяют рассматривать сталинский послевоенный антисемитизм как преимущественно политический феномен, связанный с определенными внутри- и внешнеполитическими расчетами и планами. <...> Ситуация изменилась в связи с резким обострением противостояния с Западом, воплощением которого выступали США и их сильная еврейская община. Разрыв СССР с Израилем и превращение еврейского государства в союзника США довершили картину. <...> Теперь, как полагал Сталин, евреи обратили свои взгляды на Запад, на США, были готовы служить ему с тем же

---

²³“The anti-Jewish campaigns of the Soviet Union and other State Socialist countries were rooted in the Stalinist/Bolshevik paranoia regarding every national minority possessing on the one hand some national autonomy and/or institutional network like autonomous rights, theatres, colleges, publishing houses, and so forth, as well as a national motherland abroad that was described as hostile to the Soviet Union at the time. During the second phase of the Great Terror in 1937/38, tens of thousands of ethnic Germans, Poles, Latvians, Finns, and Romanians were executed as potential spies embedded in the Soviet Union”.

энтузиазмом, с которым шли в русскую революцию» (Хлевнюк, 2015: 388–390).

Основываясь на рассмотренных перекликающихся выводах широкого круга исследователей, мы можем провести отчетливую демаркационную линию между позицией Сталина по еврейскому вопросу в СССР в начале и в конце 1948 г. (при том, что с августа по декабрь Сталин находился в отпуске на Кавказе). Эта демаркационная линия не условна и находит свои идентификационные политические основания как в самом факте образования государства Израиль с чуждой СССР сионистской идеологией (после чего любой еврей, проявляющий «еврейскую самоидентификацию» как национальное, а не советское самосознание — автоматически становился националистом, работающим на интересы «заграничной родины»), так и в общем обострении отношений СССР с западным миром и даже внутри самого соцлагеря (вспомним конфликт с И. Б. Тито), что также заметным образом ощущалось в общественных настроениях²⁴.

Эти причины вскоре стали приниматься во внимание и в посольстве Израиля в качестве внутривнутриполитических элементов холодной войны СССР с Западным блоком. Так, в «Телеграмме временного поверенного в делах Израиля в СССР М. Намира директору Восточноевропейского департамента МИД Израиля Ш. Фридману» от 18 марта 1949 г. советник израильской миссии в Москве М. Намир сообщал, что, по его убеждению, среди истинных мотивов властей в разворачивающейся кампании против космополитов «не может быть речи об антисемитизме, поскольку это противоречит сущности режима...<...> Опасность третьей мировой войны заставляет особо заботиться об уменьшении влияния тех народов, которые по объективным причинам могут стремиться перейти по другую сторону границы. <...> Исходя из всех этих причин, евреи представляются “сомнительным элементом”. <...> Сейчас, в преддверии войны с Западом, им необходимо очистить дополнительные участки и заполнить их вновь полностью “стойким к влиянию извне” элементом. Все это требует уменьшения и ограничения еврейского элемента в командных структурах государства и общества» (Советско-израильские отношения, 2000: 477–478).

Отмеченные исследователями в качестве важнейшего фактора внутривнутриполитической антисемитской кампании обострение, а также последующий разрыв отношений СССР с Израилем и «превращение еврейского государ-

---

²⁴ Так, Жорес Медведев вспоминал: «С марта по сентябрь 1948 года я находился в Крыму... Когда я в конце сентября 1948 года вернулся в Москву, это был, по настроениям интеллигенции, совсем другой город. В июле — августе в СССР произошли серьезные изменения в идеологии и внешней политике... поворот, вызвавший острую конфронтацию с Западом» (Медведев, 2003: 115).

ства в союзника США» начали происходить только в конце 1949 г.: до того Израиль придерживался нейтралитета меж двумя противоборствующими блоками и не заострял на уровне высшего политического руководства страны вопрос о репатриации советских евреев. Однако закрытие ЕАК и начало арестов его лидеров, а также увязанные с этим гонения на жену Молотова П. С. Жемчужину происходят в конце 1948 г., что является весомым аргументом для «конспирологической версии», согласно которой антиеврейская политика Сталина «планово» началась задолго до образования Израйля. Как и возможно ли увязать эти факты, — которые в действительности оказываются едва ли не ключевыми для конспирологических версий сталинского антисемитизма, по-своему «объясняющих» гибель Михоэлса, — с рассмотренными нами общими выводами исследователей?

Один из первых вариантов ответа на эти закономерные вопросы был изложен на рубеже XXI в. А. И. Солженицыным в книге «Двести лет вместе» (2001/2002).

*КОНЕЦ ЕАК: «ДЕЛО РУК АБАКУМОВА»
ПЛЮС ОШИБКА Г. МЕИР?*

Беспрецедентные для истории сталинской эпохи «стихийные» массовые демонстрации — акции солидарности с государством Израиль послетриумфального появления в Москве в сентябре 1948 г. израильской дипмиссии во главе с Голдой Меерсон (Меир) — были определены А. И. Солженицыным как ключевой триггер ответной репрессивной реакции сталинского режима. Согласно заключению Солженицына, одной из первых таких ответных реакций и стало закрытие ЕАК, поскольку в послевоенные годы ЕАК все более «становился как бы духовным и физическим представительством всех советских евреев — как перед ЦК ВКПб, так и перед Западом» (Солженицын, 2002: 399). По мнению писателя, «Сталин, видимо из антибританских расчетов, а при удаче создать себе и там опору, — принял сторону... <...> независимого еврейского государства в Палестине... <...> Но не рассчитал Сталин, насколько от такой поддержки вырастет национальное самосознание советских евреев. <...> ...в сентябре 1948 первым израильским послом в Москву приехала Голда Меир — и была бурно, с ликованием встречена... московскими евреями. ...в советском еврействе от Катастрофы крепло и поднималось национальное сознание, размеров которого Сталин, очевидно, не ожидал. <...> Видимо напуганный таким расколом еврейских национальных чувств, Сталин — с конца 1948 и на все свои оставшиеся годы вперед — круто изменил политику относительно евреев. <...> После этого подходила и судьба ЕАК» (там же: 397–399).

Этот подход нашел свое обоснование в работах историка Г. В. Костырченко, открыто полемизирующего с Солженицыным, но, согласно аналогичным выводам которого, — для советского правительства оказался неожиданным «всплеск национального самосознания, выразившийся, в частности, в массовых стихийных демонстрациях национальной солидарности в связи с приездом в Москву первого израильского посла Г. Меир осенью 1948 г. Сталину, очевидно, пришлось пережить в связи с этим настоящий шок» (Костырченко, 2011: 99).

Сторонники рассмотренной нами «конспирологической версии», согласно которой антиеврейская политика Сталина «планово» началась задолго до образования Израиля, отвергают «тезис о существовании причинно-следственной взаимосвязи между (сравнительно неожиданной для советских властей) демонстрацией евреями Москвы чувств солидарности с новопривывшимся послом только что созданного еврейского государства и обрушившимися на евреев репрессиями...» (Эпштейн, 2006: 196). Ж. А. Медведев предлагает компромиссный сценарий, согласно которому, «поскольку ЕАК в 1946–1947 годах стал постепенно защищать, прежде всего, интересы евреев, стремившихся к культурной автономии, а не к ассимиляции, то конфликт этого комитета с политической властью стал неизбежен. Появление в Москве посольства Израиля и Голды Меир, как первого израильского дипломата, ускорило конец ЕАК» (Медведев, 2003: 114). Однако, по мнению Ж. А. Медведева, «эти демонстрации были, по-видимому, организованы самими властями» (там же: 120), решившими с их помощью ликвидировать ЕАК. Но если такое решение и могло быть принято, то массовые еврейские акции солидарности с государством Израиль у Московской хоральной синагоги осенью 1948 г. в любом случае многократно превзошли возможные ожидания²⁵ и перешли допустимые для провокаций пределы. Тем более, что подобная несанкционированная демонстрация повторилась и 13 октября 1948 г. В тот день Меир и ее коллеги вновь посетили синагогу по случаю праздника Судного дня, а раввин С. М. Шлифер произнес молитву «На следующий год — в Иерусалиме», — его слова были подхвачены многотысячной толпой, которая после завершения службы сопровождала израильскую миссию до ее резиденции.

---

²⁵ Предпосылки к таким ожиданиям действительно существовали. Как сообщала Г. Меир, «в свое время в московской синагоге 20 тыс. человек праздновали провозглашение нашего государства» (на самом деле это было в День поминовения погибших евреев). См. телеграмму Г. Мейерсон министру иностранных дел Израиля М. Шертоку от 12 сентября 1948 г. (Советско-израильские отношения, 2000: 362). Еще 16 сентября 1948 г., во время посещения Г. Меир ГОСЕТа, артисты и публика устроили ей всеобщую овацию (см.: Эпштейн, 2006: 177–203).

Конспирологическая трактовка опирается на отсутствие направленных в советское правительство докладных документов об этих демонстрациях, из чего делается вывод, что о них и так заранее было хорошо известно Сталину и его окружению (см., например: Медведев, 2003: 119–120). Однако это предположение не соответствует действительности. Так, из опубликованных документов известно, что немногим позже первой массовой акции солидарности председатель Совета по делам религиозных культов, бывший ответственный работник Второго управления НКГБ полковник госбезопасности И. В. Полянский отправил В. М. Молотову подробный отчет о происшедшем и необходимых мерах («Письмо председателя Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР И. В. Полянского первому заместителю председателя Совета министров СССР, министру иностранных дел В. М. Молотову» от 6 октября 1948 г.). В нем, в частности, сообщалось, что «4 октября... (Новый год), г-жа Мейерсон вместе с другими членами посольства снова посетили синагогу. Когда она входила в синагогу, то многочисленная толпа, как в здании, так и на улице, приветствовала ее аплодисментами... <...> В синагоге и около нее утром 4 октября было, по приблизительному подсчету, до 10 тысяч человек²⁶» (Советско-израильские отношения, 2000: 399). Немногим ранее посольство Израиля выразило желание в торжественной обстановке передать синагоге привезенный свиток Торы, в связи с чем просило раввина С. М. Шлифера посетить посольство, «назначить день передачи и разработать церемониал» (там же, 2000: 399). В ответ на эти события И. В. Полянский — по согласованию с МИД и с одобрения «второго должностного лица страны» В. М. Молотова²⁷ — настоятельно рекомендовал раввину следующее: «Приглашение лично посетить г-жу Мейерсон отклонить... Что касается просьбы посольства организовать торжественную передачу свитка Торы, то Совет, учитывая, что такая церемония неизбежно выльется в демонстрацию с элементами политического сионизма... считает необходимым рекомендовать раввину принять свиток лишь составом правления синагоги...» (там же: 400).

Тем не менее, Голда Меир продолжала пытаться этим и другими доступными ей способами вести произраильскую пропаганду среди советских евреев. Так, по заключению специально исследовавшего этот вопрос А. Д. Эпштейна, регулярное посещение Голдой Меир Московской хоральной синагоги было вызвано не столько ее религиозностью, сколько тем, что «Голда Меир приняла решение сама инициировать контакты с местными ев-

²⁶ Согласно другим свидетельствам — от 20 до 50 тыс. человек.

²⁷ В документе имеется приписка: «Справка. ...т. Молотов согласен с выдвинутыми Советом практическими предложениями. <...> 7/X.48» (Советско-израильские отношения, 2000: 400).

реями... <...> в глазах израильского посланника синагога — единственный очевидный адрес для общения с московскими евреями...» (Эпштейн, 2006: 182, 184)²⁸. Кроме того, не позднее декабря 1948 г. израильское посольство приступило к изданию регулярного Бюллетеня, который рассылался в газеты и еврейские общины²⁹, а также начало пересылку советским адресатам писем их израильских родственников. В итоге это привело к жесткой ответной реакции: ноте МИД СССР, в которой (с неустановленной степенью достоверности) сообщалось, что израильская миссия «направляет письма советским евреям, настаивая на том, чтобы они отказались от советского гражданства и иммигрировали в Израиль. Эти действия являются противозаконными... миссия издает бюллетень и рассылает его по организациям, еврейским землячествам, еврейским колхозам, а также направляет частным лицам. Это выходит за рамки полномочий миссии и должно быть прекращено»³⁰.

Поскольку дипломатия СССР по отношению к созданию и поддержке в первое время государства Израиль была «в той или иной форме ретрансляцией мнений советского вождя» (Вихнович, 2010: 174), можно заключить, что для Сталина и его окружения явилось неприятной неожиданностью то, насколько «оно стало сильным катализатором в пробуждении национальных чувств евреев — граждан СССР» (там же: 176). Помимо вольно и невольно спровоцированных израильской миссией массовых проявлений солидарности с Израилем по поводу его образования и начала войны с коалицией арабских стран, после смерти Михоэlsa из ЕАК, контролируемого штатными и нештатными сотрудниками МГБ, также неоднократно сообщалось в ЦК ВКП(б), что в «комитет обращаются по телефону и лично, поступают заявления об отправке в Палестину в качестве добровольцев “для участия в борьбе с агрессором и фашистами”» (Советско-израильские отношения, 2000: 306). А. И. Ваксберг ссылается в своих данных на целый ряд архивных документов, утверждая, что «поток писем, адресованных и в ЕАК, и в ЦК, от специалистов, солдат, офицеров еврейского происхождения с просьбой отправить их на войну с агрессором в Израиль, не прекращался многие месяцы. Всего

²⁸По свидетельству советника посольства Мордехая Намира, «мы подозревали, что бурное поведение евреев в синагоге перешло дозволенные в Москве границы и что мы стали участниками очень трагического события» (Намир М. Миссия в Москве. Тель-Авив: Ам овед, 1971 [на иврите]. Цит. по переводу: Рубинштейн, 2002: 282. Однако это не остановило Г. Меир от дальнейших подобных акций.

²⁹Подробнее об этом см. «Телеграмму временного поверенного в делах Израиля в СССР М. Намира министру иностранных дел Израиля М. Шертоку» от 17 февраля 1949 г. (Советско-израильские отношения, 2000: 468).

³⁰См. «Телеграмму посланника Израиля в СССР Г. Мейерсон министру иностранных дел Израиля М. Шертоку» от 9 февраля 1949 г. (там же: 462).

уехали на ту войну около 8 тысяч кадровых советских военных еврейского происхождения» (Ваксберг, 2003: 320).

По заключению ведущего научного сотрудника Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Т. В. Носенко, с тех пор, как «израильское посольство развернуло среди советских евреев агитационную деятельность за эмиграцию в Израиль, которая рассматривалась в Советском Союзе как противозаконная...<...> проблема выезда советских евреев стала... источником все усиливавшейся враждебности советского руководства к Израилю...» (Носенко, 2016: 83). Как заключает исследователь: «Эти настроения среди советских евреев не остались незамеченными руководством страны и сыграли роковую роль в разворачивании кампании против “безродных космополитов”. Энтузиазм, с которым многие евреи в СССР встретили образование Государства Израиль, не мог не вызывать раздражения у властной элиты. Возрождение еврейского национализма рассматривалось как опасный прецедент...<...> Эмигрантские настроения в еврейской среде разрушали миф о безграничной преданности советских людей социалистической родине, о единстве советского народа...» (там же).

Как отметил Г. Г. Исаев, с самого начала появления в СССР израильской дипломатической миссии «советское правительство разграничило и вопрос поддержки политики Израиля в ООН и в международной политике, и вопрос репатриации за счет советских граждан еврейской национальности. В последнем вопросе и находился камень преткновения в советско-израильских отношениях» (Исаев, 2006: 125). Это было с очевидностью недооценено израильской стороной и привело к драматическому результату. В итоге акции солидарности чужому буржуазному государству были расценены Сталиным как идеологическое предательство. Вскоре последовала репрессивная реакция советских властей и большинство еврейских учреждений в Советском Союзе были закрыты, тысячи евреев были уволены с работы, а сотни арестованы по обвинению в «еврейском буржуазном национализме» и т. д. Начало этой реакции было ознаменовано закрытием ЕАК и гонениями на П. С. Жемчужину в конце осени 1948 г., когда обозначенная нами условная «демаркационная линия» событий лета и начала осени 1948 г. была перейдена.

Отметим в этой связи, что до рассматриваемого нами периода те же деятели еврейской культуры награждаются орденами, им присуждаются звания, даются премии. Так, в январе 1939 г. были награждены орденами те самые еврейские поэты и литераторы, имена которых в 1952 г. попадут в расстрельный список ЕАК: П. Д. Маркиш единственный из еврейских писателей получил орден Ленина, а Л. М. Квитко, Д. Н. Гофштейн, С. З. Галкин, И. С. Фефер — ордена Трудового красного знамени. В особенности поддержка

вождя и правительства СССР коснулась С. М. Михоэлса, который в 1932 г. становится членом ЦК Союза работников искусств СССР, с 1935 г. — народный артист РСФСР, с 1939 г. — народный артист СССР и кавалер ордена Ленина, с 1940 г. — член Комитета по присуждению Сталинских премий, с 1941 г. — председатель ЕАК, а в 1943 г. — его представитель в восьмимесячном международном турне по сбору материальной помощи для Красной армии и еврейского населения СССР, и наконец в 1946 г. — лауреат наиболее престижной и редкой Сталинской премии 1-й степени. Рассматривая эти события в ракурсе мифа об антисемитском сценарии заранее задуманного Сталиным убийства Михоэлса, В. В. Кожинов закономерно заключал, что «“лидером” его (Михоэлса. — *М. Б., А. Р.*) сделал именно Сталин, потому что, вне всякого сомнения, не без его согласия Михоэлс» удостоился всех этих почестей: «Остается предположить, — продолжил логику мифа Кожинов, — что Сталин... все выше поднимал статус Михоэлса... Сталин в течение пятнадцати лет мазохистски возносил Михоэлса, чтобы затем испытать наслаждение от садистского убийства» (Кожинов, 1999b: 179).

Разумеется, к тому времени «делами» Михоэлса и других членов ЕАК занималось и давно уже «подготовило к производству» МГБ под личным курированием министра МГБ СССР В. С. Абакумова, но они были востребованы «Инстанцией» позднее, за демаркационным «Рубиконом» внешне- и внутривосточных событий, связанных с образованием государства Израиль. Непосредственный подчиненный Абакумова П. А. Судоплатов свидетельствует в своих мемуарах, что в то время относительно антисемитских подвижек и приказов в МГБ он «считал, что все это дело рук Абакумова» (Судоплатов, 1997: 475).

Действительно, за подписью назначенного в том же году министром госбезопасности В. С. Абакумова еще 12 октября 1946 г. МГБ представило в ЦК записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета» (Еврейский антифашистский комитет, 2003: Электронный ресурс), в котором руководство ЕАК обвинялось в поддержке еврейских националистических тенденций.

Согласно комментариям П. А. Судоплатова, «председатель Еврейского антифашистского комитета Михоэлс всячески старался защищать интересы евреев в имущественных и жилищных вопросах. Абакумов же стремился доказать, что попытка комитета защитить интересы евреев-беженцев была проявлением еврейского буржуазного национализма. <...> Ситуация еще более ухудшилась в 1947 году» (там же: 474–475). Как следует из «Письма т. Полукарова о положении в следственных органах МВД» от 13 июля 1953 г., к 1948 г. на Михоэлса «имелись серьезные агентурные и следственные материалы, свидетельствующие о его вражеской деятельности против Советского

государства» (Политбюро и дело Берия, 2012: 165). 26 марта 1948 г. В. С. Абакумов — спустя более чем через два месяца после трагической гибели Михоэлса в Минске — вновь направил письмо советскому руководству с более подробным обвинением ЕАК в незаконной деятельности, где утверждалось, что «руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и, ориентируясь на американцев, по существу проводят антисоветскую националистическую работу. Особенно заметно проамериканское влияние в работе Еврейского антифашистского комитета стало сказываться после поездки руководителей Комитета Михоэлса и Фефера в Соединенные Штаты Америки, где они установили контакт с видными еврейскими деятелями, часть из которых связана с американской разведкой. <...> Михоэлс и его единомышленники... использовали Еврейский антифашистский комитет как прикрытие для проведения антисоветской работы» (Государственный антисемитизм в СССР..., 2005: 120, 122). МГБ «отчиталось» о своей работе, но и это письмо вновь не произвело эффекта и было, что называется, принято к сведению. Делу был дан ход лишь после изменения рассмотренных нами внутри- и внешнеполитической ситуации, и 20 ноября 1948 г. было принято «Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о закрытии ЕАК» в связи с тем, что, «как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки» (там же: 138). Постановление Политбюро завершалось следующим показательным указанием Министерству госбезопасности: «Пока никого не арестовывать», по всей вероятности, в связи с тем, что Сталина в ноябре не было в Москве (он вернулся из отпуска в Крыму 7 декабря 1948 г.) и решение об арестах было отложено до приезда вождя. Далее действия властей были направлены на ликвидацию любых очагов национальной самобытности советских евреев. В конце ноября 1948 г. ЕАК был закрыт как «центр антисоветской пропаганды», а в течении последующих двух месяцев арестованы часть его активистов и руководителей (вслед за ЕАК были закрыты Государственный еврейский театр, еврейские центры культуры, в т. ч. библиотеки и издательства, развернута кампания борьбы с космополитизмом и т. д.).

К концу 1948 г. года Сталин и его окружение уже не сомневались в том, что обманувшие доверие правительства страны лидеры культурной еврейской общественности во главе с Михоэлсом были тайными националистами, а значит — работали не на свою Родину. В определении Верховного Суда о реабилитации членов ЕАК приводятся их предполагаемые ошибки, которыми умело смог воспользоваться Абакумов: «В материалах дела имеются указания, что отмечается и в заключении Генерального Прокурора СССР, что некоторые из осужденных по данному делу в период работы в Ев-

рейском антифашистском комитете присваивали себе несвойственные им функции: вмешивались от имени Комитета в разрешение вопросов о трудоустройстве лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей и т. п., а также в своих отдельных литературных работах, письмах и разговорах иногда допускали суждения националистического характера. Воспользовавшись этим, Абакумов и его сообщники возвели эти действия руководителей Еврейского антифашистского комитета в государственные, контрреволюционные преступления...» (Неправедный суд ... , 1994: 391–392). Так, в зачитанном на заседании Политбюро 29 декабря 1948 г. отчете М. Ф. Шкирятова и В. С. Абакумова на имя И. В. Сталина «О результатах проверки обвинительных материалов против П. С. Жемчужиной» от 27 декабря 1948 г. (Яковлев, 1991), бывшей супруги В. М. Молотова³¹, она обвинялась, в частности, в том, что «участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором... дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса...» (Политбюро ЦК ВКП(б) ... , 2002: 312). По воспоминаниям Молотова, Сталин лично прочитал это сообщение: «...дело было сделано на нее — не подкопаешься. Чекисты постарались» (Чуев, 1991: 473). На последовавшем за этим голосовании об исключении Жемчужиной из партии Молотов воздержался, чем навлек на себя гнев вождя (Хлевнюк, 2015: 386), и впоследствии (20 января 1949 г.) был вынужден написать Сталину покаянную записку «о своей ошибке при голосовании», в которой признал «тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину... от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса» (Политбюро ЦК ВКП(б) ... , 2002: 313).

Однако при рассмотрении динамики происшедших в 1948 г. событий, очерченных в данной главе, мы выяснили, что признание ЕАК «центром антисоветской пропаганды», поставщиком «антисоветской информации органам иностранной разведки», обвинение в этом его активистов и их последующий арест обрели актуальность в глазах вождя лишь после череды внешне- и внутривнутриполитических событий, начавшихся в 1948 г., т. е. уже после гибели Михоэлса. Так, только в мае того же года возникло государство Израиль, на дружественные отношения с социалистическими лидерами которого воз-

---

³¹ Настоящее имя жены В. М. Молотова — Перл Соломоновна Карповская: «Молотов и Жемчужина поженились в Москве в 1921 году, когда Молотову, уже Секретарю ЦК РКП(б), был 31 год. Полина в это время работала инструктором одного из райкомов РКП(б). Родная сестра Жемчужиной в 1920 году эмигрировала в Палестину, и между ней и Полиной существовала постоянная переписка, которая, естественно, перлюстрировалась. В СССР вся почта за границу и из-за рубежа подвергалась цензуре. Один из племянников Полины жил в США» (Медведев, 2003: 66).

можно рассчитывало советское руководство, оказав политическую (вспомним знаменитую речь А. А. Громыко в ООН 26 ноября 1947 г.) и практическую (например, поставками оружия) помощь в возникновении этого государства, а затем первыми признав его независимость. Большинство историков в настоящее время склоняется к мнению, что «первоначально прогнозы на развитие советско-израильских отношений были радужными. Социалистическая ориентация значительной части политического истеблишмента и населения Израиля, вклад Советского Союза в создание этого государства позволяли советскому руководству надеяться на то, что Государство Израиль станет своего рода плацдармом для сдерживания западных стран на Ближнем Востоке» (Воробьев, Воробьева, 2015: 60). Тем более, что в самом СССР «с первых дней советской власти уникальное сочетание высокого уровня грамотности с высокой степенью лояльности (“сознательности”) сделало евреев опорой советской бюрократии. <...> ...евреи — единственные представители образованных классов, не запятнавшие себя службой царскому государству (поскольку их к этой службе не подпускали)» (Слэзкин, 2007: 290). Тем неожиданней по своим масштабам для Сталина и его окружения стал бурный всплеск национальных чувств у доселе, по мнению того же Ю. Л. Слэзкина, наиболее лояльного советскому строю нацменьшинства³². Однако всплеск этот принял значительные размеры, опять-таки, уже после гибели Михоэлса.

Как было убедительно показано В. В. Кожинным «только почти год спустя начались аресты участников “сионистского центра” и прежде всего членов ЕАК. И подосновой возникшего тогда “дела”, без сомнения, было резкое изменение взаимоотношений с Израилем...» (Кожин, 1999b: 180). Возникает закономерный вопрос: насколько правомочно переносить назад по времени, за обозначенную в данной статье «демаркационную линию», и относить к событиям января 1948 г., когда погиб Михоэлс, возникшие как ответ на процессы существенно более позднего времени внутривнутриполитические решения Сталина и изменение его отношения к еврейским активистам ЕАК³³? А это означает, что мы вправе поставить вопрос и о пересмотре укоренившихся поныне мифов о «генеральном» антиеврейском сценарии демиургического «Сталина-драматурга», который сам вождь начал или же продолжил реализовывать убийством Соломона Михоэлса, равно как и мифа о паранои-

³² «Никакой другой народ не был таким советским, и никакой другой народ не проявлял такой готовности к отказу от своего языка, обрядов и традиционных мест проживания» (Слэзкин, 2007: 319).

³³ Как своеобразный отклик на рассматриваемый в ракурсе сталинского извода демиургического мифа расстрел членов ЕАК, его жертвы постепенно обретают в работах ряда историков черты легендарных десяти мучеников мишнайского периода. Об этом символическом отождествлении см.: Estraikh, 2018: 144–145.

дальном «Сталине-антисемите», чьи поступки и решения диктовались этим болезненным чувством, а не какими-то более сложными политическими расчетами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

...NON EST PROPTER HOC!

Согласно мнению мемуариста генерала П. А. Судоплатова, оценивая антиеврейские кампании последних лет жизни Сталина, следует вести речь в первую очередь не о его антисемитизме, а «о грязной борьбе за власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей, по существу, все руководство»: «Внутренняя борьба за власть в период с 1948 по 1952 год вызвала новую волну антисемитизма — возникло “дело врачей”. <...>...“дело врачей” явилось продолжением борьбы, в которой сводились старые счеты в руководстве страны. Сталин при помощи Маленкова и Хрущева хотел провести “чистку” в рядах старой гвардии и отстранить Берию» (Судоплатов, 1997: 480). Таким образом, по мнению Судоплатова, «Сталин и его ближайшие помощники проявляли интерес к еврейскому вопросу, чтобы извлечь политические дивиденды в борьбе за власть и для консолидации своих сил. Так начались антисемитские “игры” в высших партийных эшелонах» (там же: 475).

В своих работах о сталинском антисемитизме его современный и наиболее крупный исследователь Г. В. Костырченко не доверяет достоверности свидетельств и мнений П. А. Судоплатова как мемуариста, однако также признает, что помимо «моментов субъективного плана», т. е. личного отношения вождя к евреям, еврейскому вопросу в СССР и сионизму, «значительную роль в резкой антисемитизации власти сыграли такие факторы, как холодная война, внутренняя аппаратная борьба за власть» (Костырченко, 2011: 100). Однако в деле убийства Михоэlsa «первую скрипку» Г. В. Костырченко все же преподносит Сталину с его, по утверждениям исследователя, неизменно параноидальным антисемитизмом и фобией сионистского заговора³⁴.

Согласно выводам нашей работы, при подобном подходе последовательная демифологизация и деконструкция мифологического образа Сталина заменяется попыткой его акцентированной (центрированной на антисемитизме) ремифологизации в современном научном дискурсе. Представляется актуальным, в этой связи, мнение известного немецкого исследователя темы «Сталин и антисемитизм» Л. Люкса, также, как и Г. В. Костырченко, во мно-

³⁴ Подробнее об этом см. монографию Д. Ранкур-Лаферьера, по мнению которого Сталин весьма эффективно использовал свою параноидальность в политических антисемитских кампаниях (Ранкур-Лаферьер, 1996).

гом опирающегося на сталинские мифологемы в своих работах, однако предостерегавшего исследователей: «Следует критически относиться к высказываниям тех советологов, которые считают, что Сталин в конце жизни пребывал в своего рода умственном помешательстве. Его действия имели внутреннюю логику и не объяснялись манией преследования» (Люкс, 1999: 52).

Чтобы определить такую внутреннюю логику относительно Соломона Михоэlsa, нами были подвергнуты критическому обсуждению современные мифологемы о жизни и смерти «советского короля Лира» и рассмотрены связанные с обсуждаемым вопросом стратегии демифологизации «образа И. Сталина» в русской исторической культуре. В итоге обсуждения была предложена гипотеза о «демаркационной линии госантисемитизма», согласно которой репрессивные меры против лидеров еврейской интеллигенции и общественности, принятые на уровне высших эшелонов власти СССР и их вождя с конца 1948 г., имеют объективные предпосылки во внешне- и внутриполитических событиях того же периода. В этой связи были признаны необоснованными конспирологические версии «традиционалистской» ответственности при рассмотрении этих репрессий, в том числе относительно приписываемых Сталину антисюионистских мотивов убийства Соломона Михоэlsa, которое произошло до обозначенной в гипотезе «демаркационной линии госантисемитизма». Данная гипотеза, подробно рассматриваемая в настоящей статье, объясняет вопросы современных исследователей проблемы, связанные с «несостыковками» в конспирологической «антисемитской / антисюионистской версии» убийства Михоэlsa по приказу Сталина. Один из таких вопросов был недавно поставлен израильским историком и культурологом А. Д. Эпштейном: «До сих пор не дано внятного объяснения тому, почему в случае с М. Михоэлсом И. В. Сталин выбрал столь витиеватый путь...<...>...мы должны как-то соотнести то, что в один и тот же день Сталин и убивает Михоэlsa за излишние “сионистские сантименты”, и снабжает сионистов значительной партией оружия, которым они, в итоге, и выигрывают Войну за независимость — и соотнести это, прямо скажем, непросто» (Эпштейн, 2014: 433, 436).

В настоящей статье показано, что резко негативное отношение Сталина и его приближенных к общественным деятелям еврейской национальной культуры было обусловлено изменением внутри- и внешнеполитической ситуации к концу 1948 г. Это означает, что рассмотренное в нашей работе общепринятое объяснение мотивов убийства в январе 1948 г. «советского короля Лира» С. М. Михоэlsa по санкции Сталина, в том или ином контексте данной из антисемитских соображений, не находит достоверного подтверждения. В том числе и потому, что гибель знаменитого режиссера и обществен-

ного деятеля произошла до очерченной нами «демаркационной» временной границы. В этой связи мы предполагаем в дальнейших исследованиях предпринять попытку рассмотрения другого из упомянутых Г. В. Костырченко факторов государственной антисемитизации, а именно — внутреннюю аппаратную борьбу, в качестве «перводвигателя», в действительности предрешившего судьбу как самого Соломона Михоэлса, так и всего Еврейского антифашистского комитета. Уже давно не вызывает сомнений ведущая роль МГБ СССР того времени и лично В. С. Абакумова в организации убийства Михоэлса. Есть ли необходимость припутывать в это преступление кого-то еще, кроме его и весьма высокопоставленных участников с генеральскими погонами, — ответ на этот вопрос возможен только в разрыве с мифами сталинской эпохи, искажающими реальную картину происшедшего.

Как показал представленный в нашей работе анализ источников, вписанная в мифологизированный сталинский идеодискурс история жизни и гибели Соломона Михоэлса постепенно становится неким его подвижническим «житием», обрастающим все новыми библейскими коннотациями в контексте советского извода демиургического мифа. В обличье «советского короля Лира» Михоэлс оказывается фигурой, сопоставимой в своем сакральном символизме с «главной сакральной фигурой отечественной истории и культуры XX и XXI века» — «Сталина-демиурга» (Кондаков, 2015: 432), и ей противостоящей. В логике мифа герой такого масштаба может быть побежден лишь самим демиургом руками ближайших приспешников, поэтому всплывшие невесь откуда и содержащие очевидные следы фальсификации показания сталинского генералитета о слепом исполнении приказа вождя не критично заимствуются в научный оборот сторонниками этого мифа. В итоге, по нарастающему количеству полемичных научных мифологем, из всех отечественных шекспировских деятелей культуры в настоящее время именно образ Михоэлса-Лира оказывается, пожалуй, наиболее приближен к столь же полемичному образу самого Шекспира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авторханов, А. Г. (1981) Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). Франкфурт-на-Майне : Посев. 316 с.

Аллилуев, В. Ф. (2002) Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М.: Мол. гвардия. 338 с.

Аллилуева, С. И. (1990) Двадцать писем к другу. М : Известия. 176 с.

Аникст, А. А. (1960) Сценическая история драматургии Уильяма Шекспира // Шекспир У. Полн. собр. соч. : в 8 т. М. : Искусство. Т. 8. 716 с. С. 597–632.

Арест группы врачей-вредителей (1953) // Правда. 13 января. № 13 (12 581). С. 1. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69982> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 10.04.2020).

Басин, Я. (2015) Смерть короля Лира // Литературный Иерусалим. № 9. С. 191–206.

[Бердзенишвили, Н. А.] (2019) Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным / публ. М. А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2019 год / ред. М. А. Колерова. М. : Модест Колеров. Вып. 15. 808 с. С. 491–525.

Бисенгалиев, М. К. (2020) «Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать...»: о роли личных перипетий в переговорах Мао Цзэдуна со Сталиным в 1949–1950-х годах // Via in tempore. История. Политология. Т. 47. № 2. С. 370–377. DOI: [10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377](https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377)

Бисенгалиев, М. К. (2021) Убийство Соломона Михоэlsa: К проблеме подлинности и достоверности источников // Via in tempore История. Политология. Т. 48. № 1. (В печ.). DOI: [10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187](https://doi.org/10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187)

Блитстайн, П. (2011) Был ли Советский Союз колониальной империей? Сталинские антисемитизм и полонофобия в сравнительной перспективе // Материалы I Международной научной конференции «История сталинизма: итоги и проблемы изучения» Москва, 5–7 декабря 2008 г. М. : РОССПЭН. 789 с. С. 584–592.

Борщаговский, А. М. (1994) Обвиняется кровь. М. : Прогресс-Культура. 399 с.

Бранденбергер, Д. Л. (2017) Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / пер. с англ. А. А. Пешкова, Е. С. Володиной. М. : РОССПЭН. 365, [2] с.

Бурлина, Е. Я. (2017) «Командорские шаги Лира»: к проблеме актуализаций в культуре // Ярославский педагогический вестник. № 1. С. 333–336.

Вайскопф, М. (2001) Писатель Сталин. М. : НЛЮ. 380 с.

Ваксберг, А. И. (2003) Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М. : Олимп. 496 с.

Вихнович, В. Л. (2010) Сталин и создание государства Израиль // Вестник РХГА. Т. 11. № 1. С. 172–178.

Вовси-Михоэls, Н. С. (1997) Мой отец Соломон Михоэls: воспоминания о жизни и гибели. М. : Возвращение. 237 с.

Воробьев, В. П., Воробьева, Е. В. (2015) Как Советский Союз спасал евреев в Великой Отечественной войне и способствовал созданию государства Израиль // Международная жизнь. № 2. С. 42–64.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 (2005) / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. Г. В. Костырченко. М. : МФД ; Материк. 592 с.

Гутман, И. (2010) Евреи в Армии Андерса, сформированной в СССР // Яд Вашем: исследования / сост.: Д. Романовский, Д. Зикельберг. Иерусалим : Яд Вашем ; М. : Мосты культуры. Ч. 2. 352 с. С. 121–175.

Еврейский антифашистский комитет (2003) [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/state-and-anti-semitism/10244/> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 11.11.2020).

Жирнов, Е. (1998) Как убили Михоэlsa // Коммерсантъ — Власть. № 2. 27 января. С. 38.

Зингерман, Б. И. (1965) Михоэls — Лир // Михоэls: статьи, беседы, речи. М. : Искусство. 611 с. С. 427–441.

Исаев, Г. Г. (2006) Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 2. № 3. С. 114–130.

Кожин, В. В. (1999a) Россия. Век XX. (1939–1964): опыт беспристрастного исследования. М. : Алгоритм. 397 с.

Кожин, В. В. (1999b) Загадочные страницы истории XX века: Книга вторая. Сталин, Хрущев и госбезопасность // Наш современник. № 9. С. 159–195.

Кондаков, И. В. (2015) Демиург и Верховный главнокомандующий советского строя // Вестник РХГА. Т. 16. № 4. С. 432–440.

Кондаков, И. В. (2018) Феномен «эстрадности» в культуре «оттепели» // Художественная культура. № 4. С. 162–195.

Костырченко, Г. В. (2003a) Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. : Междунар. отношения. 784 с.

Костырченко, Г. В. (2003b) «Дело Михоэlsa»: новый взгляд. Дискутируя с Жоресом Медведевым. И не только с ним [Электронный ресурс] // Ле-хаим. № 10. С. 39–48. URL: <https://lechaim.ru/academy/delo-mihoelsa-novyj-vzglyad/> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 11.11.2020).

Костырченко, Г. В. (2003c) Депортация — мистификация (Прощание с мифом сталинской эпохи) // Отечественная история. № 1. С. 92–113.

Костырченко, Г. В. (2011) Сталинский антисемитизм: становление и развитие. 1938–1953 гг. // В поисках новых путей: власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. М. : Институт славяноведения РАН. 796 с. С. 90–107.

Костырченко, Г. В. (2014) Доктрина «Старшего брата» и формирование государственного антисемитизма в СССР в свете идеологической и этнопо-

литической трансформации сталинского режима в 1930-е годы // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: мат. VI Межд. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М. : Политическая энциклопедия ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 686 с. С. 41–52.

Крэг, Э. Г. (1988) Воспоминания, статьи, письма / пер. с англ. М. : Искусство. 399 с.

Лаврентий Берия. 1953. (1999) : стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. П. Наумов, Ю. Сигачев ; под ред. акад. А. Н. Яковлева. М. : МФД. 512 с.

Лагутина, И. Н. (2017) «Колхозники требуют постановок Шекспира»: шекспировский юбилей 1939 г. и деятельность М. М. Морозова в его подготовке и проведении // *Noscere est comparare: компаративистика в контексте исторической поэтики*. М. : РГГУ. 496 с. С. 231–248.

Левашов, В. В. (1998) Убийство Михоэлса: [роман]. М. : Олимп. 475 с.

Левашов, В. В. (2004) Кто творит мифы. Открытое письмо историку Г. Костырченко // *Лехаим*. № 3. С. 48–49.

Линченко, А. А., Иванов А. Г. (2017) Что нам делать с мифами о Сталине? // *Вестник Томского государственного университета*. № 425. С. 91–99. DOI: [10.17223/15617793/425/12](https://doi.org/10.17223/15617793/425/12)

Люкс, Л. (1999) Еврейский вопрос в политике Сталина // *Вопросы истории*. № 7. С. 41–59.

Лясс, Ф. М. (2007) Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся юдоцид. М. ; Иерусалим : Филобиблон. 612 с.

Мальшев, В. А. (1997) «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома // *Источник*. Вестник архива Президента РФ. № 5. С. 103–147.

Медведев, Ж. А. (2003) Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М. : Права человека. 288 с.

Мерман, М. (2007) Двоеточие : [сборник стихов]. М. : Октопус. 159 с.

Микоян, А. И. (1999) Так было. Размышления о минувшем. М. : Вагриус. 640 с.

Михоэлс, С. М. (1958) Современное сценическое раскрытие трагических образов Шекспира. (Из опыта работы над ролью короля Лира) // *Шекспировский сборник — 1958* / под ред. А. А. Аникста и др. М. : ВТО. 604 с. С. 462–479.

Михоэлс, С. М. (1965а) Моя работа над «Королем Лиром» Шекспира // *Михоэлс: Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе*. М. : Искусство. 611 с. С. 94–133.

Михоэлс, С. М. (1965b) О поэзии в творчестве актера // Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М. : Искусство. 611 с. С. 179–194.

Михоэлс, С. М. (1965c) Труд актера // Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М. : Искусство. 611 с. С. 325–337.

Михоэлс, С. М. (1965d) О мизансцене // Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М. : Искусство. 611 с. С. 312–320.

Михоэлс, С. М. (1965e) Несыгранные шекспировские роли // Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М. : Искусство. 611 с. С. 338–348.

Михоэлс, С. М. (1965f) Из записной книжки // Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. М. : Искусство. 611 с. С. 356–367.

Нельс, С. М. (1960) Шекспир на советской сцене. М. : Искусство. 506 с.

Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (1994): стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / отв. ред., автор предисл. В. П. Наумов. М. : Наука. 399 с.

Носенко, Т. В. (2016) Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945–1948) // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 8. № 2. С. 55–89.

Паин, Э. А. (2020) Демонстративный антисемитизм и его примечательные перерывы [Электронный ресурс] // Интернет-издание «МБХ медиа». 6 мая. URL: <https://mbk-news.appspot.com/sences/demonstrativnyj-antisemitizm/> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 25.05.2020).

Перхин, В. В. (2016) Д.П. Святополк-Мирский о шекспировских спектаклях // Вестник СПбГИК. № 1 (26). С.127–133.

Пихоя, Р. Г. (2000) Советский Союз: история власти, 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск : Сибирский хронограф. 678 с.

Плампер, Я. (2010) Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Новое литературное обозрение. 495 с.

Политбюро и дело Берия (2012) : сборник документов / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М. : Кучково поле. 1088 с.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 гг. (2002) / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, С. В. Соменова. М. : РОССПЭН. 656 с.

Прилуцкий, А. М. (2016) «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 87–95. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2016.2.87](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.2.87)

Прилуцкий, А. М., Светлов, Р. В. (2016) Метафорика религиозного и парарелигиозного дискурсов сталинского мифа // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. Т. 18. С. 156–164.

Ранкур-Лаферьер, Д. (1996) Психика Сталина: психоаналитическое исследование / пер. с англ. М. : Прогресс-Академия. 240 с.

Римский, В. Л. (2011) Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. № 1. С. 97–105.

Рубинштейн, Д. (2002) Верность сердцу и верность судьбе. Жизнь и время Ильи Эренбурга / пер. с англ. СПб. : Акад. проект. 527 с.

Рудницкий, К. Л. (1965) Михоэлс — мысли и образы // Михоэлс: статьи, беседы, речи. М. : Искусство. 611 с. С. 5–59.

Рычков, А. Л. (2013) Рецепция гностических идей в русской литературе начала XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 4 (31). С. 223–246.

Симонов, К. М. (1990) Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. : Книга. 431 с.

Слэзкин, Ю. Л. (2007) Эра Меркурия: евреи в современном мире / пер. с англ. М. : НЛО. 544 с.

Советско-израильские отношения (2000) : сборник документов. Т. I: 1941–1953 : в 2 кн. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. М.: Междунар. отношения. Кн. 1: 1941—май 1949. 560 с.

Солженицын, А. И. (2002) Двести лет вместе: 1795–1995 : в 2 т. М. : Русский путь. Т. 2. 512 с.

Сорокин, Э., Морозова, Г. И. (2002) Чужой в семье Сталина [Мемуарные записки Г. И. Морозова] // Российская газета. 6 декабря.

Сталин, И. В. (1951) Соч. : в 13 т. М. : ГИПЛ. Т. 13: 1930–1934. 423 с.

Судоплатов, П. А. (1997) Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М. : ОЛМА-ПРЕСС. 688 с.

Трошин, А. С. (2003) «Картина сильная, хорошая, но не “Чапаев”...» : записи бесед Б. З. Шумяцкого с И. В. Сталиным после кинопросмотров 1935–1937 гг. // Киноведческие записки. № 62. С. 115–188.

Тяжба отставного генерала КГБ с прессой (1995) [Электронный ресурс] // Коммерсант. 9 сентября. № 166. С. 20. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/117211> [архивировано в [Wayback Machine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 30.05.2020).

Хлевнюк, О. В. (2015) Сталин. Жизнь одного вождя. М. : АСТ ; Corpus. 464 с.

Хлевнюк, О. В., Горлицкий, Й. (2011) Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН. 232 с.

Хренников, Т. Н. (1994) Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе / запись и обраб. диалогов В. Рубцовой. М. : Музыка. 206 с.

Хренников, Т. Н. (2005) Тихон Хренников : интервью на радио «Свобода» / Т. Н. Хренников, М. Тимашева (вед.). [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 27 февраля. URL: <https://www.svoboda.org/a/126809.html> [архивировано в [Wayback Machine](https://www.archive.org/)] (дата обращения: 30.10.2020).

Хрущев, Н. С. (1999) Время. Люди. Власть (Воспоминания) : в 4-х кн. М. : Московские новости. Кн. 2. 848 с.

Чуев, Ф. И. (1991) Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева / посл. С. Кулешова. М. : Терра. 623 с.

Чуев, Ф. И. (2001) Каганович. Шепилов. М. : ОЛМА-ПРЕСС. 383 с.

Чуев, Ф. И. (2002) Молотов. Полудержавный властелин. М. : ОЛМА-пресс. 736 с.

Шатуновская, Л. А. (1982) Жизнь в Кремле. Нью-Йорк : Chalidze. 351 с.

Шекспир, В. (1937) Король Лир : трагедия в 5 актах / пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник ; ред. текста и прим. А. А. Смирнова. М. ; Л. : Искусство. 243 с.

Эпштейн, А. Д. (2006) Народная дипломатия и ее последствия: посланник Израиля Голда Меир в Московской хоральной синагоге в сентябре — октябре 1948 года // Московская хоральная синагога. 100 лет : научные чтения / под ред. А. Е. Локшина. М. : Дом еврейской книги. 303 с. С. 177–203.

Эпштейн, А. Д. (2014) «Национальный вопрос» между внутренней и внешней политикой: проблемы изучения курса властей в отношении евреев и Израиля в последнее сталинское десятилетие // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : мат. VI Межд. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М. : Политическая энциклопедия ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 686 с. С. 426–444.

Эренбург, И. Г. (1964) Собр. соч. : в 9 т. М. : ГИХЛ. Т. 3. 511 с.

Эренбург, И. Г. (1967) Собр. соч. : в 9 т. М. : ГИХЛ. Т. 9. 800 с.

Эстрайх, Г. (2018) Слухи о выселении в Биробиджан: Анастас Микоян и американский еврейский истеблишмент // *Judaic-Slavic Journal*. № 1. С. 103–117. DOI: [10.31168/2658-3364.2018.1.2.5](https://doi.org/10.31168/2658-3364.2018.1.2.5)

Яковенко, И. Г. (2011) Сталин как культурная проблема // Знание — сила. № 6. С. 26–34.

Яковенко, И. Г., Музыкантский, А. И. (2010) Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М. : Русский путь. 320 с.

Яковлев, А. Н. (1991) «Еврейский антифашистский комитет» // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М. : Политиздат. 461 с. С. 322–327.

Brent, J., Naumov, V. (2003) *Stalin's last crime: The plot against the Jewish doctors 1948–1953*. N. Y. : Harper Collins. 416 p.

Estraikh, G. (2018) The life, death, and afterlife of the Jewish Anti-Fascist Committee // *East European Jewish Affairs*. Vol. 48. No. 2. P. 139–148. DOI: [10.1080/13501674.2018.1524737](https://doi.org/10.1080/13501674.2018.1524737)

Kende, T. (2019a) Jewish Communism versus Bolshevik Antisemitism. The quest for the right adjective // *Modern Antisemitisms in the peripheries. Europe and its colonies 1880–1945* / ed. by R. Cârstocea, É. Kovács. Vienna ; Hamburg : New Academia Press. 464 p. P. 67–95.

Kende, T. (2019b) Anti-Semitism and inner fronts in the USSR during World War II // *Journal European Review of History [Revue européenne d'histoire]*. Vol. 26. Issue 6. P. 963–976. DOI: [10.1080/13507486.2019.1625308](https://doi.org/10.1080/13507486.2019.1625308)

O'Brien, C.S. (2015) *The demiurge in ancient thought: Secondary gods and divine mediators*. Cambridge : Cambridge University Press. 333 p.

Pisch, A. (2016) *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: Archetypes, inventions and fabrications*. Canberra (Acton) : Australian National University Press. xxii, 516 p. DOI: [10.22459/PCSSP.12.2016](https://doi.org/10.22459/PCSSP.12.2016)

Shakespeare, W. (2005) *The Tragedy of King Lear* / ed. by J. L. Halio. Cambridge : Cambridge University Press. xix, 314 p. (The New Cambridge Shakespeare).

Veidlinger, J. (2000) *The Moscow State Yiddish Theater: Jewish culture on the Soviet stage*. Bloomington : Indiana University Press. 356 p.

Winston, V. H. (2015) Reflections on the anticipated mass deportation of Soviet Jews // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. No. 6. P. 471–490. DOI: [10.1080/1060586X.2015.1079961](https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1079961)

Дата поступления: 12.11.2020 г.

REFERENCES

Avtorkhanov, A. G. (1981) *Zagadka smerti Stalina (Zagovor Beriia) [The mystery of Stalin's death(Beria's plot)]*. Frankfurt/Main : Possev Publ. 316 p. (In Russ.).

Alliluev, V. F. (2002) *Khronika odnoi sem'i: Alliluevy — Stalin [Chronicle of one family: Alliluyevs — Stalin]*. Moscow : Molodaia gvardiia Publ. 338 p. (In Russ.).

Allilueva, S. I. (1981) *Dvadtsat' pisem k drugu [Twenty letters to a friend]*. Moscow : Izvestiia Publ. 176 p. (In Russ.).

Anikst, A. A. (1960) *Stsenicheskaia istoriia dramaturgii Uil'iam Shekspira* [The stage history of William Shakespeare's dramaturgy]. In: Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 8 vols. Moscow : Iskusstvo Publ. Vol. 8. 716 p. Pp. 597–632. (In Russ.).

Arest gruppy vrachei-vreditelei [The arrest of a group of doctors saboteurs]. (1953) *Pravda*, no. 13 (12581), January 13, p. 1. Available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69982> [archived at the [Wayback Machine](#)] (accessed: 10.04.2020). (In Russ.).

Basin, Ya. (2015) *Smert' korolia Lira* [The death of King Lear]. *Literaturnyi Ierusalim*, no. 9, pp. 191–206. (In Russ.).

[Berdzenishvili, N. A.] (2019) *Novye rechi Stalina o Gruzii, istorii i natsional'nostiakh* (1945): Niko Berdzenishvili. *Vstrecha so Stalinym* [New speeches of Stalin on Georgia, history and nationalities (1945): Niko Berdzenishvili. Meeting with Stalin]. In: *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 2019* [Studies in the history of Russian thought. Yearbook for 2019] / ed. by M. A. Kolerov. Moscow : Modest Kolerov Publ. Issue 15. 808 p. Pp. 491–525. (In Russ.).

Bisengaliev, M. K. (2020) «Vy menia priglasili v Moskvu, no ia zdes' nichego ne mogu sdelat'...»: o roli lichnykh peripetii v peregovorakh Mao Tszeduna so Stalinym v 1949–1950 gg. [“You invited me to Moscow, but I can't do anything here...”: About the role of personal vicissitudes in negotiations between Mao Zedong and Stalin in 1949–1950]. *Via in tempore. Istoriia. Politologiya*, vol. 47, no 2, pp. 370–377. (In Russ.). DOI: [10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377](https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377)

Bisengaliev, M. K. (2021) *Ubiistvo Solomona Mikhoelsa: K probleme podlinnosti i dostovernosti istochnikov* [Assassination of Solomon Mikhoels: About the problem of authenticity and reliability of the historical primary sources]. *Via in tempore. Istoriia. Politologiya*, vol. 48, no. 1. (Forthcoming). (In Russ.). DOI : [10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187](https://doi.org/10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187)

Blitstain, P. (2011) *Byl li Sovetskii Soiuz kolonial'noi imperiei? Stalinskie antisemitizm i polonofobiia v sravnitel'noi perspective* [Was the Soviet Union a colonial empire? Stalin's anti-Semitism and polonophobia in a comparative perspective]. In: *Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia»* [Proceedings of the 1st International scientific conference “The History of Stalinism: Results and Problems of Study”]. Moscow, December 5–7, 2008. Moscow : ROSSPEN Publ. 789 p. Pp. 584–592. (In Russ.).

Borshchagovskii, A. M. (1994) *Obviniaetsia krov'* [Blood is accused]. Moscow : Progress-Kul'tura Publ. 399 p. (In Russ.).

Brandenberger, D. L. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda state in crisis soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941] / transl. from Eng-

lish by A. A. Peshkov and E. S. Volodina. Moscow : ROSSPEN Publ. 365, [2] p. (In Russ.).

Burlina, E. Ya. (2017) «Komandorskie shagi Lira»: k probleme aktualizatsii v kul'ture [“Lear’s steps as a commander”: On the problem of actualization in culture]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 1, pp. 333–336. (In Russ.).

Vaiskopf, M. (2001) *Pisatel' Stalin* [Stalin the writer]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 380 p. (In Russ.).

Vaksberg, A. I. (2003) *Iz ada v rai i obratno. Evreiskii vopros po Leninu, Stalinu i Solzhenitsynu* [From hell to heaven and back. Jewish question according to Lenin, Stalin and Solzhenitsyn]. Moscow : Olimp Publ. 496 p. (In Russ.).

Vikhnovich, V. L. (2010) Stalin i sozдание gosudarstva Izrail' [Stalin and the creation of the state of Israel]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 11, no. 1, pp. 172–178. (In Russ.).

Vovsi-Mikhoels, N. S. (1997) *Moi otets Solomon Mikhoels: vospominaniia o zhizni i gibeli* [My father, Solomon Mikhoels: Memories of the life and death]. Moscow : Vozvrashchenie Publ. 237 p. (In Russ.).

Vorobiev, V. P. and Vorobieva, E. V. (2015) Kak Sovetskii Soiuz spasal evreev v Velikoi Otechestvennoi voine i sposobstvoval sozdaniuu gosudarstva Izrail' [The Soviet Union: Saving the Jews in the Great Patriotic War and contributing to the creation of the State of Israel]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 2, pp. 42–64. (In Russ.).

Gosudarstvennyi antisemitizm v SSSR. Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953 [State anti-Semitism in the USSR: From the beginning to culmination, 1938–1953] (2005) / ed. by A. N. Yakovlev and G. V. Kostyrchenko. Moscow : Materik Publ. 592 p. (In Russ.).

Gutman, I. (2010) Evrei v Armii Andersa, sformirovannoi v SSSR [Jews in Anders’ Army formed in the USSR]. In: *Iad Vashem: Issledovaniia* [Yad Vashem: Studies] comp. by D. Romanovskii and D. Zikelberg. Jerusalem : Yad Vashem ; Moscow : Mosty kul'tury Publ. Part 2. 352 p. Pp. 121–175. (In Russ.).

Evreiskii antifashistskii komitet [The Jewish Anti-Fascist Committee]. (2003) *Elektronnaia evreiskaia entsiklopediia* [Electronic Jewish Encyclopaedia]. Available at: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/state-and-anti-semitism/10244/> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 11.11.2020). (In Russ.).

Zhirnov, E. (1998) Kak ubili Mikhoelsa [How Mikhoels was killed]. *Kommersant" — Vlast'*, no. 2, January 27, p. 38. (In Russ.).

Zingerman, B. I. (1965) Mikhoels — Lir [Mikhoels — Lear]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi* [Mikhoels: Articles, conversations, speeches]. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 427–441. (In Russ.).

Isaev, G. G. (2006) Uroki istorii: sovetsko-izrail'skie otnosheniia v 1948–1951 gg. [History lessons: Soviet-Israeli relations in 1948–1951]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS*, vol. 2, no. 3, pp. 114–130. (In Russ.).

Kozhinov, V. V. (1999a) *Rossiiia. Vek XX (1939–1964): Opyt bespristrastnogo issledovaniia [Russia. 20th century (1939–1964)]*. Moscow : Algoritm Publ. 397 p. (In Russ.).

Kozhinov, V. V. (1999b) Zagadochnye stranitsy istorii XX veka: Kniga vtoraiia. Stalin, Khrushchev i gosbezopasnost' [Mysterious pages of the history of the 20th century: Second book. Stalin, Khrushchev and state security]. *Nash sovremennik*, no. 9, pp. 159–195. (In Russ.).

Kondakov, I. V. (2015) Demiurg i Verkhovnyi glavnokomanduiushchii sovet'skogo stroia [Demiurge and Supreme Commander-in-Chief of the Soviet system]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, no. 4, pp. 432–440. (In Russ.).

Kondakov, I. V. (2018) Fenomen «estradsnosti» v kul'ture «ottepeli» [The phenomenon of “variety” in the culture of “thaw” epoch]. *Khudozhestvennaia kul'tura*, no. 4, pp. 162–195. (In Russ.).

Kostyrchenko, G. V. (2003a) *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm [Stalin's secret policy: Power and anti-Semitism]*. Moscow : Mezhdunarodnie otnosheniia Publ. 784 p. (In Russ.).

Kostyrchenko, G. V. (2003b) «Delo Mikhoelsa». Novyi vzgliad. Diskutiruiia s Zhoresom Medvedevym. I ne tol'ko s nim [“The case of Mikhoels”. A new look. Arguing with Zhores Medvedev. And not only with him]. *Lekhaim*, no. 10, pp. 39–48. [online] Available at: <https://lekhaim.ru/academy/delo-mihoelsa-novyj-vzglyad/> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 11.11.2020). (In Russ.).

Kostyrchenko, G. V. (2003c) Deportatsiia — mistifikatsiia (Proshchanie s mifom stalinskoi epokhi) [Deportation — mystification (Farewell to a myth of the Stalinist era)]. *Otechestvennaia istoriia*, no. 1, pp. 92–113. (In Russ.).

Kostyrchenko, G. V. (2011) Stalinskii antisemitizm: stanovlenie i razvitie. 1938–1953 gg. [Stalinist anti-Semitism: Formation and development. 1938–1953]. In: *V poiskakh novykh putei: Vlast' i obshchestvo v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v 50-e — 60-e gg. XX v. [In search of new ways: Power and society in the USSR and Eastern Europe in the 50–60s of the 20th century]*. Moscow : Institute for Slavic Studies of the RAS. 796 p. Pp. 90–107. (In Russ.).

Kostyrchenko, G. V. (2014) Doktrina «Starshego brata» i formirovanie gosudarstvennogo antisemitizma v SSSR v svete ideologicheskoi i etnopoliticheskoi transformatsii stalinskogo rezhima v 1930-e gody [The doctrine of the “Big Brother” and the formation of state anti-Semitism in the USSR in the light of the ideological and ethno-political transformation of the Stalinist regime in the 1930s]. In: *Sovetskie natsii i natsional'naiia politika v 1920–1950-e gody [Soviet nations*

and nationality policy from the 1920s to the 1950s] : Proceedings of the 6th International conference. Kiev, October 10–12, 2013. Moscow : Politicheskaiia entsiklopediia Publ. ; Foundation “B. N. Yeltsin Presidential Center”. 686 p. Pp. 41–52. (In Russ.).

Craig, E. G. (1988) *Vospominaniia, stat'i, pis'ma* [*Memoirs, articles, letters*] / transl. from English. Moscow : Iskusstvo Publ. 339 p. (In Russ.).

Lagutina, I. N. (2017) «Kolkhozniki trebuiut postanovok Shekspira»: shekspirovskii iubilei 1939 g. i deiatel'nost' M. M. Morozova v ego podgotovke i provedenii [“Collective farmers demand performances of Shakespeare’s plays...”]: The Shakespeare Jubilee in 1939 and M. M. Morozov’s activities in its preparation and implementation]. In: *Noscere est comparare: Komparativistika v kontekste istoricheskoi poetiki* [*Noscere est comparare: Comparativistics in the context of historical poetics*]. Moscow : Russian State University for the Humanities. 496 p. Pp. 231–248. (In Russ.).

Lavrentii Beriia. 1953 [*Lavrentiy Beria. 1953*] (1999) : Stenographic record of the July 1953 plenary session of the Soviet Communist Party Central Committee] / comp. V. P. Naumov and Yu. Sigachev ; ed. by A. N. Yakovlev. Moscow : MFD Publ. 512 p. (In Russ.).

Levashov, V. V. (1998) *Ubiistvo Mikhoelsa* [*The assassination of Mikhoels*] : A novel. Moscow : Olimp Publ. 475 p. (In Russ.).

Levashov, V. V. (2004) Kto tvorit mify. Otkrytoe pis'mo istoriku G. Kostyrchenko [Who creates myths. An open letter to the historian G. Kostyrchenko]. *Lekhaim*, no. 3, pp. 48–49. (In Russ.).

Linchenko, A. A. and Ivanov, A. G. (2017) Chto nam delat' s mifami o Staline? [What should we do with the myths about Stalin?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 425, pp. 91–99. (In Russ.). DOI: [10.17223/15617793/425/12](https://doi.org/10.17223/15617793/425/12)

Lyass, F. M. (2007) *Poslednii politicheskii protsess Stalina, ili Nesostoiavshiisia iudotsid* [Stalin’s last political trial, or the judocide that wasn’t]. Moscow; Jerusalem : Filobiblon Publ. 612 p. (In Russ.).

Luks, L. (1999) Evreiskii vopros v politike Stalina [The Jewish question in Stalin’s policy]. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 41–59. (In Russ.).

Malyshev, V. A. (1997) «Proidet desiatok let, i eti vstrechi ne vosstanovish' uzhe v pamiatii». Dnevnik narkoma [“A dozen years will pass, and it won’t be possible to restore these meetings in memory”. Diary of a people’s commissar]. *Istochnik. Vestnik arkhiva Prezidenta RF*, no. 5, pp. 103–147. (In Russ.).

Medvedev, Zh. (2003) *Stalin i evreiskaia problema. Novyi analiz* [*Stalin and the Jewish problem. A new analysis*]. Moscow : Prava cheloveka Publ. 288 p. (In Russ.).

Merman, M. (2007) *Dvoetochie [Colon]* : A collection of lyrics. Moscow : Oktopus Publ. 159 p. (In Russ.).

Mikoyan, A. I. (1999) *Tak bylo. Razmyshleniia o minuvshem [It was so. Reflections on the past]*. Moscow : Vagrius Publ. 640 p. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1958) Sovremennoe stsenicheskoe raskrytie tragicicheskikh obrazov Shekspira [Contemporary stage depiction of Shakespeare's tragic images]. In: *Shekspirovskii sbornik — 1958 [Shakespeare's collection — 1958]* / ed. by A. A. Anikst and A. L. Shtein. Moscow : The All Russian Theater Society. 604 p. Pp. 462–479. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965a) Moia rabota nad «Korolem Lirom» Shekspira [My work on Shakespeare's "King Lear"]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 94–133. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965b) O poezii v tvorchestve aktera [On poetry in the work of the actor]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 179–194. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965c) Trud aktera [The labor of the actor]. In: *Mikhoels. Stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 325–337. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965d) O mizanstsene [About the mise-en-scène]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 312–320. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965e) Nesygrannye shekspirovskie roli [Unperformed Shakespearean roles]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 338–348. (In Russ.).

Mikhoels, S. M. (1965f) Iz zapisnoi knizhki [From a notebook]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi [Mikhoels: Articles, conversation, speeches]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 356–367. (In Russ.).

Nels, S. M. (1960) *Shekspir na sovetskoi stsene [Shakespeare on the soviet stage]*. Moscow : Iskusstvo Publ. 506 p. (In Russ.).

Nepravednyi sud. Poslednii stalinskii rasstrel [The unjust trial. Stalin's last execution]. (1994) / ed. and intr. by V. P. Naumov. Moscow : Nauka Publ. 399 p. (In Russ.).

Nosenko, T. V. (2016) Politika SSSR i SShA po voprosu sozdaniia Gosudarstva Izrail' (1945–1948) [The Soviet Union, the United States, and the Establishment of the State of Israel (1945–1948)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, vol. 8, no. 2, pp. 55–89. (In Russ.).

Pain, E. A. (2020) Demonstrativnyi antisemitizm i ego primechatel'nye pereryvy [Defiant anti-Semitism and notable periods of its cessation]. *MBKh Me-*

dia, May 6. [online] Available at: <https://mbk-news.appspot.com/sences/demonstrativnyj-antisemitizm/> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 25.05.2020). (In Russ.).

Perkhin, V. V. (2016) D.P. Sviatopolk-Mirskii o shekspirovskikh spektakliakh [D. P. Svyatopolk-Mirskiyon Shakespearean productions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 1 (26), pp. 127–133. (In Russ.).

Pikhoia, R. G. (2000) *Sovetskii Soiuz: istoriia vlasti, 1945–1991 [The Soviet Union: History of power, 1945–1991]*. 2nd edn. Novosibirsk : Sibirskii khronograf Publ. 678 p. (In Russ.).

Plamper, J. (2010) *Alkhimiia vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve [The Stalin cult: A study in the alchemy of power]* / transl. from English by N. Edelman. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 495 p. (In Russ.).

Politbiuro i delo Beriia [The Politburo and the case of Beria] (2012) : A collection of documents / ed. by O. B. Mozokhin. Moscow : Kuchkovo pole Publ. 1088 p. (In Russ.).

Politbiuro TsK VKP(b) i Sovet ministrov SSSR. 1945–1953 gg. [The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of Ministers of the USSR. 1945–1953] (2002) / comp. by O. V. Khlevniuk, I. Gorlitskii, L. P. Kosheleva, A. I. Miniuk, M. Yu. Prozumenshchikov, L. A. Rogovaia and S. V. Somonova. Moscow : ROSSPEN Publ. 656 p. (In Russ.).

Prilutskii, A. M. (2016) «Stalinskii mif» v religioznom i parareligioznom diskursakh [The “Stalin myth” in the religious and para-religious discourses]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2, pp. 87–95. (In Russ.). DOI: [10.17238/issn2227-6564.2016.2.87](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.2.87)

Prilutskii, A. M. and Svetlov, R. V. (2016) Metaforika religioznogo i parareligioznogo diskursov stalinskogo mifa [Metaphorics of religious and para-religious discourses of the Stalin myth]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 18, pp. 156–164. (In Russ.).

Rancour-Laferriere, D. (1996) *Psikhika Stalina: psikhoanaliticheskoe issledovanie [The mind of Stalin: A psychoanalytic study]* / transl. from English. Moscow : Progress-Akademiia Publ. 240 p. (In Russ.).

Rimskii, V. L. (2011) Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossiiskikh grazhdan i elity [Myths about Stalin and the cult of personality in the minds of Russian citizens and elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 97–105. (In Russ.).

Rubenstein, J. (2002) *Vernost' serdtsu i vernost' sud'be. Zhizn' i vremia Il'i Erenburga [Tangled loyalties: The life and times of Ilya Ehrenburg]* / transl. from English. St. Petersburg : Akademicheskii proekt Publ. 527 p. (In Russ.).

Rudnitskii, K. L. (1965) Mikhoels — mysli i obrazy [Mikhoels — thoughts and images]. In: *Mikhoels: stat'i, besedy, rechi* [Mikhoels: articles, conversation, speeches]. Moscow : Iskusstvo Publ. 611 p. Pp. 5–59. (In Russ.).

Rychkov, A. L. (2013) Retseptsiia gnosticheskikh idei v russkoi literature nachala XX veka [The reception of gnostic ideas in Russian literature of the early 20th century]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 4 (31), pp. 223–246. (In Russ.).

Simonov, K. M. (1990) *Glazami cheloveka moego pokoleniia: razmyshleniia o I. V. Staline* [Through the eyes of a person of my generation: Reflections on I.V. Stalin]. Moscow : Kniga Publ. 431 p. (In Russ.).

Slezkine, Yu. L. (2007) *Era Merkurii: evrei v sovremennom mire* [The age of Mercury: Jews in the modern world (The Jewish century)]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 544 p. (In Russ.).

Sovetsko-izrail'skie otnosheniia [Soviet-Israeli relations] (2000) : A collection of documents. Vol. 1: 1941–1953: in 2 books / Ministry of Foreign Affairs of Russia; Ministry of Foreign Affairs of Israel. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. Book 1 : 1941 — May 1949. 560 p. (In Russ.).

Solzhenitsyn, A. I. (2002) *Dvesti let vmeste: 1795–1995* [Two hundred years together: 1795–1995] : in 2 vols. Moscow : Russkii put' Publ. Vol. 2. 512 p. (In Russ.).

Sorokin, E. and Morozov, G. I. (2002) Chuzhoi v sem'e Stalina [Alien in the family of Stalin]. *Rossiiskaia gazeta*, December 6. (In Russ.).

Stalin, I. V. (1951) *Sochineniia* [Works] : in 13 vols. Moscow : Gospolizdat Publ. Vol. 13: 1930–1934. 423 p. (In Russ.).

Sudoplatov, P. A. (1997) *Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody* [Special operations: The Lubyanka and Kremlin, 1930–1950]. Moscow : Olma-Press Publ. 688 p. (In Russ.).

Troshin, A. S. (2003) “Kartina silnaia, khoroshaia, no ne ‘Chapaev’ ...”: Zapisi besed B. Z. Shumiatskogo s I. V. Stalinyim posle kinoprosmotrov 1935–1937 gg. [“It’s a powerful, good film, but not ‘Chapaev’ ...”: Notes of the conversations between B. Shumiatskii and I. V. Stalin after screenings in 1935–1937]. *Kinovedcheskie zapiski*, no. 62, pp. 115–188. (In Russ.).

Tiazhiba otstavnogo generala KGB s pressoi [Lawsuit of a retired KGB general against the press]. (1995) *Kommersant*, September 9, no. 166, p. 20. [online] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/117211> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 30.05.2020). (In Russ.).

Khlevniuk, O. V. and Gorlitskii, I. (2011) *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury* [Cold peace: Stalin and the Soviet ruling circle]. Moscow : ROSSPEN Publ. 232 p. (In Russ.).

Khlevniuk, O. V. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia [Stalin. The life of a ruler]*. Moscow : AST Publ. ; Corpus Publ. 464 p. (In Russ.).

Khrennikov, T. N. (1994) *Tak eto bylo. Tikhon Khrennikov o vremeni i o sebe [That's how it was: Tikhon Khrennikov about his times and himself]* / recorded and ed. by V. Rubtsova. Moscow : Muzyka Publ. 206 p. (In Russ.).

Khrennikov, T. N. (2005) *Tikhon Khrennikov* : Interview with radio "Svoboda" / T. N. Khrennikov and M. Timasheva (host). February 27. Available at: <https://www.svoboda.org/a/126809.html> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 30.10.2020). (In Russ.).

Khrushchev, N. S. (1999) *Vremia. Liudi. Vlast' (Vospominaniia) [Time, people, power (Memoirs)]* : in 4 books. Moscow : Moskovskie Novosti Publ. Book 2. 848 p. (In Russ.).

Chuev, F. I. (1991) *Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva [One hundred and forty conversations with Molotov. From the diary of F. Chuev]*. Moscow : Terra Publ. 623 p. (In Russ.).

Chuev, F. I. (2001) *Kaganovich. Shepilov [Kaganovich. Shepilov]*. Moscow : Olma-Press Publ. 383 p. (In Russ.).

Chuev, F. I. (2002) *Molotov. Poluderkhavnyi vlastelin [Molotov. The semi-powerful ruler]*. Moscow : Olma-Press Publ. 736 p. (In Russ.).

Shatunovskaia, L. A. (1982) *Zhizn' v Kremle [Life in the Kremlin]*. New York : Chalidze Publ. 351 p. (In Russ.).

Shakespeare, W. (1937) *Korol' Lir : tragediia v 5 aktakh [King Lear : A tragedy in five acts]* / transl. by T. L. Shchepkina-Kupernik ; ed. and notes by A. A. Smirnov. Moscow ; Leningrad : Iskusstvo Publ. 243 p (In Russ.).

Epshtein, A. D. (2006) Narodnaia diplomatiia i ee posledstviia: poslanik Izrailia Golda Meir v Moskovskoi khoral'noi sinagoge v sentiabre — oktiabre 1948 goda [Public diplomacy and its consequences: Israeli envoy Golda Meir in the Moscow Choral Synagogue in September — October 1948]. In: *Moskovskaia khoral'naia sinagoga. 100 let. Nauchnye chteniia [The Moscow Choral Synagogue. 100 years. Academic readings]* / ed. by A. E. Lokshin. Moscow : Dom evreiskoi knigi Publ. 303 p. Pp. 177–203. (In Russ.).

Epshtein, A. D. (2014) "Natsional'nyi vopros" mezhdru vnutrennei i vneshnei politikoi: problemy izucheniia kursa vlastei v otnoshenii evreev i Izrailia v poslednee stalinskoe desiatiletie [The "national question" between domestic and foreign policies: Problems of studying the government's agendatowards Jews and Israel in the last Stalin decade]. In: *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e gody [Soviet nations and nationality policy from the 1920s to the 1950s]* : Proceedings of the 6th International conference. Kiev, October 10–12, 2013. Moscow : Politicheskaiia entsiklopediia Publ. ; Foundation "B. N. Yeltsin Presidential Center". 686 p. Pp. 426–444. (In Russ.).

Erenburg, I. G. (1964) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 9 vols. Moscow : State Publishing House of Fiction Literature. Vol. 3. 511 p. (In Russ.).

Erenburg, I. G. (1967) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 9 vols. Moscow : State Publishing House of Fiction Literature. Vol. 9. 800 p. (In Russ.).

Estraikh, G. (2018) Slukhi o vyselenii v Birobidzhan: Anastas Mikoian i amerikanskii evreiskii isteblishment [Rumors about expulsion to Birobidzhan, Anastas Mikoyan, and the American Jewish Establishment]. *Judaic-Slavic Journal*, no. 1, pp. 103–117. (In Russ.). DOI: [10.31168/2658-3364.2018.1.2.5](https://doi.org/10.31168/2658-3364.2018.1.2.5)

Iakovenko, I. G. (2011) Stalin kak kul'turnaia problema [Stalin as a cultural problem]. *Znanie — sila*, no 6, pp. 26–34. (In Russ.).

Iakovenko, I. G., and Muzykantskii, A. I. (2011) *Manikheistvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoi tsivilizatsii [Manichaeism and Gnosticism: the cultural codes of Russian civilization]*. Moscow : Russkii put' Publ. 320 p. (in Russ.).

Yakovlev, A. N. (1991) «Evreiskii antifashistskii komitet» [“The Jewish Anti-Fascist Committee”]. In: *Reabilitatsiia: politicheskie protsessy 30–50 gg. [Rehabilitation: political processes of the 30–50s]* / ed. by A. N. Yakovlev. Moscow : Politizdat Publ. 461 p. Pp. 322–327. (In Russ.).

Brent, J. and Naumov, V. (2003) *Stalin's last crime: The plot against the Jewish doctors 1948–1953*. New York : Harper Collins. 416 p.

Estraikh, G. (2018) The life, death, and afterlife of the Jewish Anti-Fascist Committee. *East European Jewish Affairs*, vol. 48, no. 2, pp. 139–148. DOI: [10.1080/13501674.2018.1524737](https://doi.org/10.1080/13501674.2018.1524737)

Kende, T. (2019a) Jewish Communism versus Bolshevik Antisemitism. The quest for the right adjective. In: *Modern Antisemitisms in the peripheries. Europe and its colonies 1880–1945* / ed. by R. Cârstocea and É. Kovács. Vienna; Hamburg. New Academia Press. 464 p. Pp. 67–95.

Kende, T. (2019b) Anti-Semitism and inner fronts in the USSR during World War II. *Journal European Review of History [Revue européenne d'histoire]*, vol. 26, issue 6, pp. 963–976. DOI: [10.1080/13507486.2019.1625308](https://doi.org/10.1080/13507486.2019.1625308)

O'Brien, C. S. (2015) *The demiurge in ancient thought: Secondary gods and divine mediators*. Cambridge : Cambridge University Press. 333 p.

Pisch, A. (2016) *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: Archetypes, inventions and fabrications*. Canberra (Acton) : Australian National University Press. xxii, 516 p. DOI: [10.22459/PCSSP.12.2016](https://doi.org/10.22459/PCSSP.12.2016)

Shakespeare, W. (2005) *The Tragedy of King Lear* / ed. by J. L. Halio. Cambridge : Cambridge University Press. xix, 314 p. (The New Cambridge Shakespeare).

Veidlinger, J. (2000) *The Moscow State Yiddish Theater: Jewish culture on the Soviet stage*. Bloomington : Indiana University Press. 356 p.

Winston, V. H. (2015) Reflections on the anticipated mass deportation of Soviet Jews. *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, no. 6, pp. 471–490. DOI: [10.1080/1060586X.2015.1079961](https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1079961)

Submission date: 12.11.2020.

Бисенгалиев Марат Кабдушевич — член МОО «Платоновское философское общество», независимый исследователь. Адрес: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6 корп. 6. Тел.: +7 (963) 750-89-29. Эл. адрес: bermont_avalov@mail.ru

BISENGALIEV Marat Kabdushevich, Member, Plato Philosophical Society, independent researcher. Postal address: 6k6, Miuskaya Sq., 125047 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 750-89-29. E-mail: bermont_avalov@mail.ru

Рычков Александр Леонидович — приглашенный член Шекспировской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» РАН; директор по научной работе Союза философов «Вольная философская ассоциация». Адрес: 456912, Челябинская область, Саткинский район, г. Сатка, ул. Пролетарская, д. 9, офис 41. Тел.: +7 (915) 230-21-71. Эл. адрес: vp102243@list.ru

RYCHKOV Alexander Leonidovich, associate member, Shakespeare Committee of the Russian Academy of Sciences; Science Director, Union of Philosophers “Free Philosophical Association” (“VOLFILA”). Postal address: 14 (office 41), Proletarskaia St., 456912 Satka, Russian Federation. Tel.: +7 (915) 230-21-71. E-mail: vp102243@list.ru

SPIN-код РИНЦ: [6749-7407](https://elibrary.ru/6749-7407)

ORCID: [0000-0002-0464-7245](https://orcid.org/0000-0002-0464-7245)

Для цитирования:

Бисенгалиев М. К., Рычков А. Л. Убийство Соломона Михоэлса: жизнь и смерть «советского короля Лира» в плену у злого демиурга сталинской эпохи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 6. С. 77–136. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1362> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2020.6.6](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.6.6)